

ТЕЙМУР АТАЕВ

*Чингиз Айтматов и
современность*

О надеждах и перспективах
человечества

ТЕЙМУР АТАЕВ

**ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

О надеждах и перспективах человечества

2-850019

Azərbaycan milli
kitabxanası

Бишкек, 2023

УДК 821.51.0
ББК 83.3 (5Кир)
А 92

Научный редактор: Назира Курбанова, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и социально-правового образования Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева

Книга издана при содействии Посольства Кыргызской Республики в Азербайджанской Республике к 95-летию великого Писателя.

Автор благодарит генерального директора ОсОО «AzVirg» Камиля Алиева за поддержку издания книги.

А 92 Атаев Т., Чингиз Айтматов и современность. О надеждах и перспективах человечества. – Бишкек: Алтын Тамга, 2023. 137 с.

ISBN 978-9967-493-79-7

Книга Теймура Атаева посвящена исследованию творческого наследия великого кыргызского писателя, мыслителя и философа, воплощенного в его художественных произведениях и публицистических выступлениях. Анализируя такие литературные шедевры Ч. Айтматова, как «Буранный полустанок» («И дольше века длится день»), «Плаха», «Пегий пес, бегущий краем моря», «Материнское поле», «Джамиля», «Тавро Кассандры», его последний роман «Когда падают горы (Вечная невеста)», а также проводя параллели с произведениями других известных писателей, текстами священных писаний мировых религий, раскрывая духовные факторы, сформировавшие Ч. Айтматова как величайшего писателя современности, автор показал, что творчество Ч. Айтматова неподвластно времени и пространству, ибо проблемы и идеи, волновавшие писателя и вложенные им в уста его любимых героев, носят общечеловеческий характер.

Книга, написанная в научно-художественном стиле, предназначена как для филологов, литературоведов, студентов гуманитарных факультетов, так и для широкого круга читателей.

ISBN 978-9967-493-79-7

УДК 821.51.0
ББК 83.3 (5Кир)
© Атаев Т., 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
Понять Чингиза Айтматова.....	9
Чингиз Айтматов об исторической преемственности, эпических памятниках, душе, сердце и духе кыргызского народа	13
О национальном языке и миропознании	20
Идеи Чингиза Айтматова в «Буранном полустанке» и современность	26
О вечной борьбе добра и зла.....	30
Чему учит «Пегий пес, бегущий краем моря»	61
Откуда в человеке внутренняя сила или что есть счастье	77
Ее величество женщина и любовь в произведениях Чингиза Айтматова	89
Какое будущее ждет человечество?.....	99
Подведение итогов жизни? Нить спаянности с выдающимися личностями	122
Вместо эпилога.....	130

Посвящаю дочерям Джамиле и Зяхре

Трудно установить, что такое людская жизнь. Во всяком случае, бесконечные комбинации всевозможных человеческих отношений, всевозможных характеров настолько сложны, что никакой сверхсовременной компьютерной системе не под силу синтезировать общую кривую самых обычных человеческих натур
(Чингиз Айтматов. «Плаха»)

Феномен вечности заключается в бессмертной красоте идеи и духа, сокрытой в предмете искусства
(Чингиз Айтматов. «Духу Хельсинки альтернативы нет»)

Этот молодой человек [Айтматов] говорит о любви, как никто другой
(Луи Арагон)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

О Чингизе Айтматове написано много, что вполне понятно: великие люди раскрываются в различных ипостасях во все времена. Но даже в этом множестве, на мой взгляд, выделяется новая книга известного азербайджанского ученого Теймура Атаева, вышедшая в канун 95-летия со дня рождения великого писателя, название которой говорит само за себя: «Чингиз Айтматов и современность. О надеждах и перспективах человечества».

Т. Атаев подходит к теме не только глубоко и всесторонне, что присуще всем его исследованиям, но и проявляет безграничное уважение к личности выдающегося писателя, его идеям и творчеству. Автор мастерски показал, что Ч. Айтматов был не только гениальным писателем, но и выдающимся философом, мыслителем, культурологом, чьи размышления над судьбами человечества актуальны во все времена.

Прежде чем начать разговор о книге Т. Атаева, хочу отметить, что она представляет для меня особенный интерес, поскольку я принадлежу к числу людей, которым посчастливилось лично общаться с Великим Писателем. В начале нулевых Чингиз Торекулович организовал летнюю школу молодых литераторов на берегу чудесного озера Иссык-Куль – жемчужины не только Кыргызстана, но и всего евразийского континента. По предложению Ч. Айтматова меня пригласили в эту школу для чтения лекций в качестве специалиста в области наркополитики (в ту пору я был начальником отдела анализа Государственной комиссии при Правительстве Кыргызской Республики по контролю за наркотиками).

Я никогда не забуду прогулку с Чингизом Торекуловичем

по берегу Иссык-Куля в момент заката: солнце медленно уходило за горы, обрамлявшие озеро. Мы неспешно шли по берегу, разговаривая на темы, связанные с глобальной хворью человечества – наркоманией. Беседовали о том, какие риски связаны с этим пагубным явлением и как их минимизировать. Ч. Айтматова интересовала экспертная оценка в данной области, что вполне естественно, поскольку наряду с другими важными вопросами проблематику наркомании и нравственной деградации людей он прекрасно раскрыл в своем литературном шедевре – романе «Плаха».

Так мы прошли несколько километров. Я был восхищен тем, как Ч. Айтматов формулировал вопросы – с какой глубиной и откровенным беспокойством за будущее наших детей.

Воспоминания об этой беседе с мэтром литературы живы во мне вплоть до сего дня, и я периодически возвращаюсь к поднятым великим кыргызом темам, которые он методично ставил в унисон закату солнца возле прекрасного озера. Не зря же говорят, что нет ничего ценнее общения с гениями!

Возвращаясь к книге Теймура Атаева, отмечу, что в ней отражены важнейшие идеи нестареющей «Плахи», а также раскрыты многие другие мысли Ч. Айтматова, которые он доносил до читателей в своих произведениях.

На мой взгляд, книга Т. Атаева важна тем, что автор не просто делает подробный обзор наиболее известных произведений Ч. Айтматова, а доказывает непреходящую ценность выстраданных писателем идей для нынешнего и будущих поколений. Т. Атаев удачно продемонстрировал правоту предвидений Ч. Айтматова, предупреждавшего людей об источниках угроз их земному существованию, используя информацию о

технологических достижениях нашей эпохи, проведя параллели с произведениями других выдающихся писателей. Благодаря этому мы осознаем, что Ч. Айтматов – писатель и национального, и глобального масштаба, поскольку практически во всех своих книгах он ставил общечеловеческие вопросы.

Т. Атаев показал предпосылки, сформировавшие гениальную личность Ч. Айтматова: это не только жизненный опыт, но и историческая память, которая у Ч. Айтматова связана с кыргызским эпосом «Манас», в буквальном смысле сопровождавшим писателя всю его творческую жизнь.

Одной из центральных тем для Ч. Айтматова является женщина, и Т. Атаев показал, сколь дорог для писателя ее образ в различных его ипостасях – матери, труженицы, подруги жизни. А где женщина, там и любовь. Тема любви проходит через все творчество Ч. Айтматова, но любви не только к женщине, а к людям, природе, родине, и Т. Атаев раскрывает широту этого понятия у Ч. Айтматова, показывая, как светла, бесконечна и безгранична «айтматовская» любовь.

Сегодня весь мир обеспокоен проблемами, связанными с экологией и деградацией нравственных и культурных ценностей, о которых Ч. Айтматов предупреждал несколько десятилетий тому назад. Т. Атаев показывает, что Ч. Айтматов видел причины упадка цивилизации в нашем эгоизме, бездушии, деформации самосознания, что писатель постоянно размышлял над тем, как нам преодолеть извечные человеческие пороки.

Т. Атаеву удалось раскрыть основные черты, присущие творчеству нашего великого земляка, и я приглашаю читателей в интересное путешествие по его книге. Хотелось бы подчеркнуть, что факт обращения Т. Атаева к творчеству Ч. Айтматова

свидетельствует о глубине культурно-духовных связей между азербайджанским и кыргызским народами, которые сегодня развиваются во всех областях. Но культура и искусство продолжают играть ключевую роль в нашем сближении. Поэтому мне хочется поблагодарить известного азербайджанского историка и публициста Теймура Агаева за то, что он обратился к теме глубочайшего и неповторимого творчества Чингиза Айтматова. Я уверен, что авторский подход к освещению нестареющих идей великого писателя поспособствует еще большему взаимопониманию между кыргызским и азербайджанским народами.

Кайрат Осмоналиев,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Кыргызской Республики в Азербайджанской Республике

ПОНЯТЬ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Величина

С детства мы очень часто слышим понятие «величина». Сначала в связи с математикой, чуть позже – с физикой, информатикой, метрологией, астрономией, но все это исключительно в научном смысле, где величину можно точно оценить и измерить. А как определить, что есть «величина» в искусстве, культуре и других сферах социальной жизни, которые, в отличие от научных дисциплин, воспринимаются нами с субъективных позиций?

Именно в таком контексте, по мнению автора, можно говорить о непревзойденной Величине выдающегося кыргызского писателя Чингиза Айтматова – личности, пребывающей над временем и пространством, чьи идеи и мысли вплоть до сего дня продолжают волновать массы людей во многих уголках нашей планеты. Да и не может быть по-другому, если в своих немеркнущих произведениях Ч. Айтматов ставил проблемы общечеловеческого масштаба.

Уроженец легендарного Таласа – первородины древних кыргызов, выходец из племени Шекер, Ч. Айтматов – и философ, и историк, и рассказчик, и мудрец, постоянно подводящий читателей к мысли, что человек не может быть полностью счастлив, если такое же ощущение не переживает окружающий его мир в наиболее обширных его пределах – и люди, и растения, и животные, то есть Ее величество Природа, объединяющая всех и вся. Ч. Айтматов рассуждает об этом в каждом из своих произведений, вкладывая свои мысли в уста героев или донося их до

читателя от собственного имени. Таков был главный жизненный принцип и внутренний мир выдающегося писателя, отраженный его блистательным пером.

Мыслить глобально

Долгом литературы Ч. Айтматов называл умение «мыслить глобально, не выпуская из поля зрения центрального своего интереса» и исследование человеческой личности, что требует от писателя «расширения философского диапазона, усложнения мировосприятия, детализации психологического изображения нашего современника». На этом принципе построены все его произведения, в которых он подходил к описываемой проблематике с глубинных позиций. Писатель столь скрупулезно относился к созданию психологического портрета своих героев, поскольку понимал, что «на протяжении всей своей истории человек жадно и непрестанно внемлет» повествованию о себе независимо от того, воплощено ли оно «в песню, в сказку, в книгу, в музыку, в театральные игры» и на каком языке написано. Ведь речь идет «о судьбе человека, о людях, об их трудах и мечтах, их добродетелях и пороках, о борьбе и войнах, о долге и совести, о красоте женщины и мужчины, о любви и разлуках, о рождении и смерти – обо всем том, что составляет жизнь».

Читателями, внимательно изучающими серьезные литературные труды, рано или поздно овладевает «жажда познания себя, своего времени, своего прошлого». Благодаря этому формируется обратная связь между писателем и читателем, постепенно

проявляющим «пристрастие к искусству, требуя от рассказчика большей правдивости, мудрости и проницательности в постижении человеческого духа, воздавая при этом хвалу таланту и порицая бездарность».

По мнению Айтматова, именно «в этой неумной потребности художественного восприятия жизни состоит одно из коренных свойств человека, отличающих его от остальной живой природы». Так что «нет и не будет конца его рассказу о самом себе», а потому «в основе проблем литературы лежит проблема человека», повествование о котором приоткрывает «стею познания бесконечной красоты и бесконечных противоречий мира». Однако далеко не всякая литература отвечает этим требованиям, и под литературно-художественным творчеством подразумевается прежде всего умение и мастерство «изображать жизнь, дела и судьбы людей таким образом, что это становится предметом раздумий и душевных переживаний читателя». Следовательно, мысли и чувства, вызываемые прочитанным произведением, могут быть очень различного свойства и «очень сложного диапазона – от восторга, воодушевления и радости, от готовности следовать прекрасным идеалам людей, даже ценой своей жизни, до глубочайшего горя и страданий, до сомнений в человеке и в его справедливости на земле». В этом состоит «право и призвание» литературы, и если реакция на нее действительно такова, пробуждаются совесть и сознание читателя, испытывающего сердечное потрясение от описываемой картины «прекрасного или, напротив, безобразного в жизни», формируя в нем желание «пристальной вглядеться в себя и окружающую среду».

Именно в этом заключена «сила» настоящего искусства. Ведь если произведение не в состоянии обогатить эстетический мир читателя, «отточить его отношение к добру и злу», то какие бы «архиполезные и архиважные вещи ни высказывались, какие бы темы и проблемы ни ставились, это не есть настоящее искусство». Истинный художник «обязан каждый раз выводить новую формулу человеческих взаимоотношений, исходя из живой реальности и своего воображения, раскрывающего глубины этой реальной действительности».

Говоря иными словами, Ч. Айтматов подчеркивает важность единства содержания и формы, что и составляет «сущность произведения искусства». Ввиду такого единства невозможно «отделить одно от другого без ущерба целостности, выразительности, действенности литературы». Но если «содержание не в ладах с формой», тогда рождается посредственный труд. Следовательно, писатель указывает на «особое значение формы, как выражения таланта художника» и индивидуального свойства его мастерства, умения так рассказать о человеке, о событии, об истории и современности, чтобы это стало «эстетическим и нравственным опытом читателя, приобретенным им на своем веку». Благодаря этому цель – достучаться до человека – «достигается не демагогией и дешевым лиризмом, а подлинно художественными средствами настоящей, большой литературы».

Как видим, Чингиз Айтматов подходил к своему творчеству строго, ответственно, с глубочайшим уважением к читателю, в чем мы многократно убеждаемся, знакомясь с его немеркнущими трудами.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ, ЭПИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ, ДУШЕ, СЕРДЦЕ И ДУХЕ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА

Как отмечал Ч. Айтматов, бурное течение повседневного людского бытия «всегда и необратимо» направлено в будущее, а опыт прошлого – это его неиссякаемый источник, гигантская опора и величайшее наследие, «непрерывно передаваемое в собственность последующих поколений». Вне такой исторической преемственности жизнь общества продолжаться не может.

Подчеркивая, что углубление нравственно-философской сущности и смысла художественной литературы, отображение извечных стремлений человека к достойному будущему, к прогрессу «все более настойчиво становится центральной задачей художников», будучи «одной из бесспорных примет наших дней», Ч. Айтматов обращает внимание на два важнейших аспекта:

- величайшее творение искусства слова, «созданное гением народа», проходя сквозь сонмища различных преград, препятствий, преодолев трудный, долгий исторический путь, «не теряя свою первозданную родниковую свежесть и прелесть», доходит до наших дней и воспринимается как реальное явление современности;
- выходя за рамки культурных памятников прошлого, оно «органично и гармонично вливается в действующую сокровищницу духовных ценностей народа» как живое эстетическое творение, полностью отвечающее потребностям

современности, поскольку «подобное бесценное творение постоянно находится в движении», обладая свойствами «самообновляющегося, саморегулирующегося живого организма».

Относя к такому «бесценному духовному достоянию» великое наследие кыргызского народа – «его грандиозные эпические традиции», Ч. Айтматов напоминает: истории давно известно, что «одним из древнейших этнических образований, сложившихся в Центральной Азии», является кыргызский народ, который, изведав неимоверные перипетии на своем историческом пути, «некогда естественно и закономерно достиг уровня», обеспечившего создание высочайших образцов эпической традиции.

Ч. Айтматов указывает, что всю мощь «своего народного духа, честь и совесть, героическую борьбу с иноземными захватчиками, устремления и мечты, а в некоторых случаях даже свою историческую быль, повседневные события реальной жизни» кыргызы воплотили «в традиционно-константных, устно-поэтических жанрах эпоса, представляющего собой по-своему самобытный, своеобразный мир, неисчерпаемый кладезь дерзающего духа». «Лучезарно сияющей вершиной» кыргызского духовного наследия, «идушего из глубин седой старины», Ч. Айтматов определяет океаноподобный «Манас», который он называет величавым сказанием, вобравшим «в свою сокровенную суть, живую плоть и кровь огромную массу событий, происходивших в течение веков на скрижалях кыргызской истории, тысячелетние страдания, испытания, кровавые трагедии и радостные дни

народа, его будничное житье-бытье, разнообразнейшие нравы, обычаи, семейные и общенародные традиции, воинские доблести, словом, все миропонимание и весь менталитет кыргызского духа». По «своей уникальнейшей неповторимости, всепоглощающей художественной мощи и энергии, по глубине нравственной, этической, философской и социальной содержательности, идейной многоемкости и многогранности воссоздания целостной истории и судьбы кыргызского народа, по неисчерпаемости еще не совсем востребованного эстетического заряда» и потенциала «Манас» принадлежит «к редчайшим шедеврам высших поэтических памятников общемировой культуры и цивилизации».

Отмечая, что в этом эпосе отражены исторические события, так или иначе связанные «с судьбой и жизнью кыргызов», Ч. Айтматов связывает рождение «Манаса» с «конкретным историко-культурным контекстом эпохи», общественно-идеологической обстановкой и, что важнее всего, с «судьбоносными потребностями по консолидации народных сил». Потому писатель характеризует «Манас» как несравненное и непревзойденное художественное творение, созданное «эстетическим гением кыргызского народа на почве и на основании реальных событий, фактов, героических личностей, и которое от века в век, от сказителя к сказителю отшлифовывалось, отчеканивалось, очищалось, избавляясь от лишнего груза, поглощая в себя все новые и новые, органически необходимые компоненты-новообразования, и, наконец, достигло сегодняшних недостижимых высот своего совершенства».

Одна из уникальных черт этого эпоса – невозможность «расчленишь, разъединить друг от друга» его «поэтические пласты» вследствие их органической спаянности «внутренними кровеносными нитями, неразрывными узами». Таким образом, передававшийся от поколения к поколению, от предков к потомкам («благодаря подвижному художественному сознанию и мышлению») «Манас» встретился «с нашим временем в тот самый момент, когда он достиг своего абсолютного пика – апогея абсолютной мощи, абсолютного совершенства и абсолютной ценности». Его главной линией, насквозь пронизывающей все «художественное тело» эпоса, стала «бессмертная идея, которая со времени появления человечества испытывала его в горестях и страданиях, радостях и весельях, в поисках и заблуждениях, заставляя неустанно стремиться вперед, к лучшим, более возвышенным целям и идеалам». А «когда уставал человек, терял силы, она давала ему крылья, энергию и вдохновение». То есть вся поэтическая структура «Манаса», весь его пафос «от начала до конца безраздельно прославляет главную идею – идею свободы и независимости».

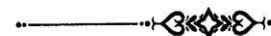
Следовательно, ценность и значимость «Манаса» определяется тем, что он в точности доносит до нас представления кыргызского народа о свободе и независимости, его философию и нравственные критерии, что причисляет «Манас» к разряду «гениальных эпосов мира, утверждающих идеи высокого гуманизма, закрепляющих в человеке веру в то, что умение любить и ценить человека есть высшая нравственная норма общественной жизни». «Манас» – это воистину бессмертный памятник древнейшей общечеловеческой культуры, вошедший «в сокровищницу

общемировых духовных ценностей». Ч. Айтматов уверен, что «пока век сменяется веком», а эпоха «следует за эпохой, пока жив будет кыргызский народ (и человечество!), эпос “Манас” будет жить как сияющая вершина дерзновенного древнекыргызского духа». Эти меткие, блестящие и искренние слова доказывают, что эпос проник в самые глубины его души и разума.

По мнению автора, именно «Манас» сформировал личность Ч. Айтматова в ее духовно-философском измерении, поскольку эпос стал для писателя бесценным кладом общечеловеческих и гуманистических идей, на которых выстроены его произведения. Сказания и былины для него подобны плотным снежным пластам, дающим людям живительную влагу: «На вершинах гор моей страны лежат вечные снега, они тысячелетиями накапливаются, спрессовываются в ледяные глыбы. Постепенно тая, исходят ручьями, наполняющими реки, озера, арыки, дают людям чистой водой, дают жизнь. <...> [Сказания и былины точно так же] веками накапливаются в народе, и долг писателя – вобрать в себя ручейки устного творчества и соединить их в реки, озера, арыки своих произведений, чтобы сохранить и приумножить культуру страны».

Неслучайно Ч. Айтматов, называя свою бабушку по отцовской линии «кладом сказок, старинных песен, былей и небылиц», признавал, что «сама того не подозревая», она «привила мне любовь к родному языку». Лишь «родное слово, познанное и постигнутое в детстве, может напоить душу поэзией, рожденной опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение

6100258-2

многомерностью и многозначностью языка предков». Именно в детстве – первой ступеньке на пути к «будущей человеческой личности» – закладывается «подлинное знание родной речи» и возникает ощущение «причастности своей к окружающим людям, к окружающей природе, к определенной культуре». Кроме того, по словам Ч. Айтматова, в его аиле считалось неременным долгом знать своих предков до седьмого колена, что формировало «свой смысл преемственности поколений и взаимной моральной ответственности в роду».

Об искренности и человечности Ч. Айтматова свидетельствует история, которую поведал известный российский (татарский) астрофизик Рашид Сюняев. Вспоминая юбилейный вечер 1970-х годов, посвященный выдающемуся татарскому поэту начала XX века Габдулле Тукаю (проходил в Колонном зале Дома Союзов Москвы), он пишет, что в президиуме сидели известные татарские писатели, представители Союза писателей СССР, несколько ответственных лиц из числа членов ЦК КПСС, а где-то в «уголке большого стола посадили Чингиза Айтматова». Р. Сюняева поразило, насколько «официально и формально» выступали докладчики. Но все поменялось, когда на трибуну вышел Ч. Айтматов, выступивший «от всего сердца, хорошо и очень-очень интересно». Хотя он говорил по-русски, «но несколько раз вставлял цитаты Тукая по-татарски без всяких бумажек, по памяти», давая слушателям понять, насколько «он знает и чувствует татарский». Речь Айтматова столь глубоко подействовала на Р. Сюняева, что, не зная писателя лично, во время перерыва он подошел к нему и поблагодарил за «самые лучшие слова о Тукае. Мне было очень

приятно их слышать. Как хорошо, что вы пришли сюда». На что Ч. Айтматов сказал: «Меня просила мама». Как вспоминает Р. Сюняев, писатель произнес это «тихо и с грустью».

К сказанному нечего добавить, кроме лишь того, что уважение к старшим и соблюдение вековых традиций тюркских народов было вложено в плоть и кровь писателя.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ И МИРОПОЗНАНИИ

Ч. Айтматов подчеркивает, что русский язык с детства стал для него «в не меньшей степени» родным, чем кыргызский, причем «на всю жизнь», но судьба национального языка всегда была для него одним из важнейших вопросов, который он называл «вопросом нации». Из-за этого в советское время «некоторые издания навесили на меня ярлык националиста», воспринимая в штыки «мои мысли» о кыргызском языке.

Какой бы ни была нация, писал Ч. Айтматов, ее бессмертие формируется в языке, который ребенок впитывает с молоком матери. Поэтому «преступление против языка надо расценивать как равное преступлению против нации». Но когда кыргызский язык был объявлен государственным, Ч. Айтматов, радостно принявший этот закон, сразу же усомнился в реальности его исполнения.

Ч. Айтматов говорил, что «если кыргызский язык не сможет развиваться в своей среде, то где же ему еще развиваться?» Отметив, что «при коммунистической системе, когда властвовал авторитарный режим», он одним из первых поднял проблему родного языка, писатель добавил: «В то время такая постановка вопроса языка воспринималась как проявление национализма». И даже некоторые печатные издания навесили на него клеймо «националиста» за «все мои мысли о сохранении национального языка».

По мнению Ч. Айтматова, национализм, считающийся «врагом всего и вся», не так страшен, как его изображают, и должен

определяться исходя из его первоначального смысла. Под националистом он подразумевал человека, борющегося «за сохранение своей культуры, языка», поскольку «у каждой нации свои проблемы, повседневные, насущные. Они требуют решения, внимания, усилия. У нас же принято считать, раз националист – то его надо перечеркнуть. А кто будет заботиться о своей нации?» Но «если речь идет о любой из доктрин национальной исключительности, о любой из теорий превосходства одного народа над другим или о концепции узкоэгоистических национально-государственных интересов, то ни одна из них для меня совершенно неприемлема, так как это явление реакционнейшее, ведущее к самодовольству, самовозвышению и, как результат, – к духовной убогости. Если же под этим подразумевают черты этнической, лингвистической, культурной неповторимости, воплотившие жизненный опыт и вековые усилия целых народов, то попытки объявить стремление сохранять и развивать национальные языки, национальную самобытность чем-то отрицательным для общего прогресса несостоятельны. Более того, попытки эти недалековидны». Ч. Айтматов считал своим писательским долгом поднять национальный вопрос и заявил, что «готов был пожертвовать своей головой» ради кыргызского языка.

Ч. Айтматов также указал на важнейшее условие сохранения и развития национального языка в современную эпоху: язык должен стать «атрибутом государственной политики и тесно связан с официальной жизнью» страны. Если же кыргызский язык не будет применяться для деловых и административных нужд, он останется «языком повседневного бытового общения»,

утратив «свою общенациональную значимость». Многие считают, что он еще не сформировался как язык политики, экономики и юриспруденции. Но чтобы не допустить «падение уважения» к национальному языку, необходимо «вести особую государственную политику, создать культуру языка и значимую систему», способную поднять функциональный уровень языка.

До тех пор, пока в стране нет подходящей среды для развития кыргызского языка, «мы не сможем его полноценно развивать», следовательно, языковую политику нужно проводить «еще до Жогорку Кенеша, до правительственных заседаний и протоколов, а уже в детских садах». Национальный язык – великое богатство, доставшееся народу «от наших предков, пронесших его через множество веков», что делает «нашей обязанностью» его передачу «в целостности и сохранности нашим потомкам». А иначе «исчезнет не только язык, но и сама нация». Поэтому равную ответственность за сохранение кыргызского языка должны нести все – «начиная от простого гражданина до самого Президента страны». А если такая ответственность не осознается, «не будет ничего хорошего для народа»¹.

¹ В июле 2023 г. Президент Кыргызстана Садыр Жапаров подписал закон, который обязывает всех государственных служащих страны владеть кыргызским языком, имеющим статус государственного. Согласно закону, одобренному депутатами парламента Кыргызстана, кыргызский язык отныне подлежит обязательному использованию в деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций всех форм собственности. Владеть государственным языком и использовать его при исполнении служебных обязанностей должны все госслужащие, включая депутатов, сотрудников Национального банка, силовиков, судей, прокуроров, адвокатов, нотариусов, работников учебных заведений всех форм собственности и медперсонал государственных и муниципальных учреждений здравоохранения. Принятый закон также обязывает телерадиокомпании, независимо от формы собственности, вести не менее 60% передач на кыргызском языке. Названия совместных и иностранных организаций теперь должны быть оформлены с транслитерацией на кыргызский язык. – прим. авт.

Но вместе с тем нельзя «оставаться только в сфере языковых проблем», поскольку подобный подход «не приведет нас к прогрессу». В нынешнем изменчивом мире «жизненной необходимостью» становится «полноценное знание» о происходящем вокруг и взаимодействие со всеми планетарными сообществами. Следовательно, заключает Ч. Айтматов, «сейчас время двух стремлений, пока не вложишь обе ноги в обе стремени, а будешь пользоваться только одним – конь вперед не двинется, об этом не надо забывать», и напоминает, что язык – это не только средство общения, но и ключ к познанию мира.

По поводу русского языка писатель отметил, что «хотим мы того или нет, чаще всего именно через русский язык мы узнаем мир, получаем всю международную информацию, можем приобщиться к мировым ценностям». Относиться к нему плохо «нет никаких оснований или причин», ибо он остается великим мировым языком. Следовательно, его нужно использовать «как мост, как средство». Здесь «дело не в языке, а в том, что на сердце» – если «человек в сердце своем свято чтит свой коренной язык», он никогда не сможет забыть его.

Язык является могучей силой, способной «расширить для человека его жизненное пространство», поэтому для Ч. Айтматова кыргызский язык воплощает в себе самое святое: «Это и Родина, и мать-земля, где остались капли моей крови из перерезанной пуповины. На какую бы высоту я бы ни поднимался в этой жизни, я благодарен за это великому духу родного языка».

Ч. Айтматов также отмечал, что как «как писатель и человек» он выступает «против стандартизации мировой культуры»,

и призывал к сохранению национальной идентичности кыргызов «не только в духовной сфере деятельности, но и в модели государственного управления». Называя несомненной нацеленность основной идеи демократических государств «на многополярность», писатель отмечал, что мир будет двигаться вперед лишь развиваясь «со всем своим разнообразием». Но тогда «мы должны избрать для себя» такой «путь присоединения к настоящей цивилизации», на котором «не потеряем сами себя». То есть кыргызам важно «сохранить свои национальные особенности» внутри «системы мирового развития», чтобы не сойти «со своего пути» и не утратить собственную идентичность. Это недопустимо, поскольку связь с родной землей, народом, насущными проблемами национального бытия питает национальную культуру живыми и плодотворными соками, помогает ей выйти на широкий общечеловеческий простор. В жизни и мировосприятии разных народов очень много общего, поэтому «национальное никак нельзя противопоставлять интернациональному». Ведь «если наглухо замкнуться внутри себя», культура станет псевдонациональной, в лучшем случае отражая «только какую-то одну сторону национального характера». Следовательно, самоограждение «от взаимодействия с другими культурами» означает лишение «источника собственного развития». Становясь самоцелью, «самобытность» приводит «к замкнутости, изоляции, национальной ограниченности, затрудняющей выход национальных ценностей за пределы национальных границ».

Кроме того, национальное своеобразие должно подразумевать «не только совокупность национальных черт, идущих

из глубины веков», ибо понятие национального охватывает как проверенный временем опыт прошлого, так и новые обычаи, рожденные «современной действительностью».

Далее мы обратимся к отдельным произведениям Ч. Айтматова и посмотрим, как в них отражены его социально-философские взгляды на исторические судьбы кыргызского народа.

ИДЕИ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА В «БУРАННОМ ПОЛУСТАНКЕ» И СОВРЕМЕННОСТЬ

Наверное, у каждого, кто знаком с творчеством Ч. Айтматова, есть особо любимые его произведения. Для автора это «Буранный полустанок» («И дольше века длится день»), воспринимаемый и как литературный шедевр, и как учебник жизни. Даже перечитывая роман сегодня, испытываешь потрясение и восхищение, ибо в нем затронуты вечные темы. Именно в этом кроется величие Ч. Айтматова, философия которого не подвластна ни времени, ни соображениям социальной конъюнктуры.

В «Буранном полустанке» есть все – правда и ложь, свет и тьма, реальность и фантастика, смех и слезы. Гражданское мужество и блестящий литературный талант помогли Ч. Айтматову в эпоху «реального» социализма и жесткой цензуры донести до читателя идеи, остающиеся важными и в наши дни.

История Едигея

Едигей Жангельдин, железнодорожный рабочий, живущий в бескрайней степной местности Сары-Озек, собирается похоронить друга Казангапа согласно его завещанию на родовом кладбище Ана-Бейит, расстояние до которого 30 км. Ч. Айтматов мастерски описывает судьбу Едигея, всю свою жизнь верой и правдой трудившегося для страны (тогдашнего СССР) и народа. Показывая личность героя, писатель раскрывает и его жизненное пространство – пустынные степи, куда в эпоху «расцвета социализма» еще не дошли не только

достижения мировой цивилизации, но и элементарные условия для полноценной жизни. Ч. Айтматов мастерски отражает водораздел внутри социалистического общества, которое при внешнем равенстве делилось на «власть предрержащих» и остальных подобно расположенному в безбрежных степях космодрому, где царил совершенно иной мир. Мы читаем, как Едигей едет хоронить своего друга на верблюде в сопровождении шести человек на колесном экскаваторе – и это на фоне космических кораблей, орбитальной станции и других новейших технологических достижений. Неимоверное развитие науки, с одной стороны, и убогость жизни – с другой.

Но сила Едигея (и величие писателя Ч. Айтматова) в том, что, видя эту «идеологическую игру», он остается самим собой, пронеся через всю жизнь традиции и менталитет народа, любовь к земле, корням, верность слову и чести. Едигей не понимает приехавшего Сабитжана, сына покойного, одного из городских чиновников, который не против того, чтобы предать земле тело отца не на кладбище «за тридевять земель», а здесь же, возле железнодорожной станции (зачем так далеко ехать?). Едигей объясняет ему, что «люди не закапывают своих близких где попало». Ведь «если смерть для них ничто, то, выходит, и жизнь цены не имеет. В чем же смысл, для чего и как они живут там?»

На пути к кладбищу Едигей вспоминает свою жизнь с ее радостями и бедами, и вдруг ему приходит на ум предание о «свирепых пришельцах – жуаньжуанах», захвативших когда-то Сары-Озек. Обращая местных жителей в рабство, жуаньжуаны уничтожали память раба. И в этом месте Ч. Айтматов вводит

понятие «манкурт», ставшее нарицательным и означающее доведение человека до исторического беспамятства.

Стал ли манкуртизм достоянием истории?

Агрессоры превращали рабов в манкуртов. Писатель объясняет, что манкурт – это уже не человек, а его «оболочка», внутри которой культурная и духовная пустота. Захватчикам не нужна была смерть человека, главное для них – лишить его памяти. Ч. Айтматов пишет, что «лишенный понимания собственного “я”, манкурт <Так же, как и Ч. Айтматов, Анар изображает перипетии «запретной» любви как сторонний наблюдатель, оставляя читателю пространство для собственных суждений о том, что для кого-то является «изнанкой жизни» или из ряда вон выходящими событиями, которым не место в «привычных рамках» этой жизни.

Возвращаясь к Ч. Айтматову, вспомним его слова, вобравшие в себя трепетное отношение писателя к Женщине и Любви. Признавая, что «жизнь не может замереть и замкнуться на одной точке и даже сохраняя и оберегая традиции, мы не можем обойтись без обновления», он спрашивает: «Если каждая женщина в порыве преуспеть будет лишать себя возможности стать матерью, женой, хозяйкой семьи, то к чему мы придем?» А на прозвучавший как-то в его адрес вопрос об идеале женщины, он по-восточному мудро определив понятие «идеал» как растяжимое, заметил, что существует общепринятое понимание словосочетания «достойная женщина», включающее «ее нравственные человеческие качества, культуру, обаяние, внешность», и

добавил: «Джамиля – несколько романтическое восприятие женщины. Сейчас эта Джамиля была бы немного иной». Писатель убежден, что когда мужчина и женщина равноценны в личностных качествах, их усилия помогают достигать цели. Основу же жизни всегда составляют «любовь и те эмоции, которые с ней связаны». Без «таких эмоций, страстей, жизнь человеческая не будет полноценной».

О ВЕЧНОЙ БОРЬБЕ ДОБРА И ЗЛА

Мы и окружающая действительность

«Плаха» – гениальный и вечный роман Ч. Айтматова, поскольку это настоящая энциклопедия современного общества с присущей ему постоянной борьбой между добром и злом, а может быть (к сожалению) и завтрашнего. Это книга для всех, кого волнуют отношения людей с самими собой, с себе подобными и окружающим их миром. Но чтобы достичь энциклопедических высот, литературное произведение должно создаваться на основе честного и искреннего подхода к анализу сущности общечеловеческих проблем. Именно благодаря ему Чингиз Айтматов создал свой шедевр, в котором, описывая происходящее в жизни людей и братьев наших меньших, дает нам шанс поразмышлять вместе с ним, кто мы есть на самом деле, куда движемся и с кем, и в верном ли направлении.

Но мало просто разработать сюжет, включив в него диалоги и описания. Чтобы идеи ожили, важно показать, почему в жизни людей и общества все происходит так, а не иначе, и что движет каждым человеком в конкретный момент.

Возможно, как раз поэтому Ч. Айтматов дает нам понять, что «если говорить о судьбе и судьбах, о разного рода жизненных обстоятельствах, предопределяющих причины других событий, то все это завязывалось задолго до этого и вдали отсюда». То есть каждый наш шаг имеет за собой долгую историю.

Ч. Айтматов уникален тем, что в его произведениях события обуславливаются не только характером человеческих

взаимоотношений, но и состоянием окружающего людей живого мира. Поэтому мы видим изнутри жизнь не только людей, но и братьев наших меньших, которые у Айтматова мыслят, рассуждают и ведут себя как люди. Видимо, поэтому Ч. Айтматов начинает роман с мыслью красивой пары волков, демонстрируя первенство в этом союзе прекрасной Акбары. Возможно, кто-то сочтет, что писатель ведет две линии: животную и людскую. Но, глядясь поглубже, мы чувствуем, что Ч. Айтматов показывает схожесть судеб всех живых существ.

Тема переплетения судеб людей и зверей – одна из центральных в романе «Плаха». Но что и как их связывает и разделяет? Насколько схожи или различны нормы в сообществах людей и животных? Не заимствуют ли люди чисто звериные правила, пуская в ход руки и зубы вместо когтистых лап и клыков?

Искусными художественными приемами Ч. Айтматов показывает смысл жизни в животном мире – это борьба за существование и выживание. Но даже при поверхностном исследовании отношений между людьми мы видим, что в человеческом обществе происходит то же самое. Вот только за какое существование в нем борьба? Кто-то ответит, что за место под солнцем. Пусть так, но неужели мест под солнцем хватает не для всех? Неужели земля столь тесна, что людям сложно ужиться рядом? Неужели понятие счастья каждый воспринимает по-своему?

Оказывается, так оно и есть. И дело не в том, что кто-то может желать счастья для всех, а другие – мечтать о нем лишь для себя и своих близких. Само понятие «счастье» является слишком субъективным. И ради внутреннего обретения этого ощущения

некоторые люди готовы идти на все, пренебрегая интересами, нуждами и чувствами своих собратьев.

Авдий – бунтарь?

Одним из главных героев романа Ч. Айтматова является Авдий Каллистратов, исключенный из духовной семинарии «за ересь», заключавшуюся в том, что он пытался формулировать (как минимум для самого себя) «представления о Боге и человеке в современную эпоху в противовес догматическим постулатам архаичного вероучения». Не будем сейчас анализировать, что именно вкладывал в понятие «архаичное» Ч. Айтматов, но, судя по логике его рассуждений через призму мыслей Авдия, он имел в виду обновление религиозной мысли в связи с изменениями в современном мире. Писатель показывает это посредством диалога Авдия с приехавшим для беседы с ним важным церковным иерархом.

Авдий, тогда еще священник, откровенно заявляет ответственному духовному лицу, что «вероучение будет чего-то стоить», если «история сможет выдвинуть новую центральную фигуру на всемирном горизонте верований – фигуру Бога-современника с новыми божественными идеями, соответствующими нынешним потребностям мира». Именно для поиска «современной формы Бога» Авдий и вознамерился покинуть лоно церкви, «даже если мне никогда не удастся ее найти». На замечание иерарха о невозможности «программировать» Господа, ибо Всевышний «не может быть умозрительно придуман, как бы это

заманчиво и убедительно ни выглядело», Авдий отвечает, что наступил период «пересмотреть прошлое, каким бы оно ни было незыблемым», поскольку представление о Боге давно не соответствует «новым познаниям мира». Далее между ними происходит следующий диалог (приводится в сокращенном варианте):

– Ты мнишь, что Бог лишь плод твоего воображения, а потому сам человек почти Бог над Богом, тогда как само сознание сотворено небесной силой. Дай волю новомыслию, и ты на нет сведешь тысячелетние заветы и запреты, так дорого оплаченные людьми в прозрениях и муках, чтобы пронести божественные устои через все поколения. Догматы даны по благодати Господа. Без новомыслий церковь может стоять, как стояла, а без догматов вероучения быть не может. Догматизм – первейшая опора всех положений и всех властей. Ты, якобы улучшая Бога новомыслием, на самом деле игнорируешь его. И ты готов собою подменить его!

– Не стоит приписывать небесным силам, что проистекает от нас самих. Зачем было бы Богу создавать нас столь несовершенными, если бы Он мог избежать того, чтобы мы, Его творения, сочетали в себе одновременно две противоположные силы – силы добра и силы зла. Зачем бы Ему понадобилось делать нас столь подверженными сомнениям, порокам, коварству даже в отношениях с Ним самим.

– Не говоришь ли ты по наущению врага рода человеческого – дьявола? Тебе с такими мыслями не сносить головы потому, что и в миру не терпят тех, кто подвергает сомнению основополагающие учения, ведь любая идеология претендует на обладание

конечной истиной, и ты с этим непременно столкнешься.

– Моя церковь всегда будет со мной. Моя церковь – это я сам. Я не признаю храмов и тем более не признаю священнослужителей, особенно в сегодняшнем их качестве.

А уже далее Авдий поясняет, что контрапунктом его «постоянных размышлений о Всевышнем» является молитва, от которой он никогда не откажется, то есть бывший священник остается таким же верующим человеком, как и всегда. Он продолжит жить с Богом и Его постулатами в сердце, пытаясь через непрерывные размышления осознать, каким образом доносить до окружения основные идеи Иисуса, как раскрыть духовное богатство, к которому призывал Иисус, как объяснить, что все идеи Иисуса – суть забота о человеческом счастье. Но Авдий предчувствует, что и вне лона церкви к нему вряд ли кто-то прислушается: где бы он ни был, его судьба – одиночество, о которой он говорит словами чьих-то поэтических строчек:

И среди тысячной толпы – ты одинок,

И находясь с собой наедине – ты одинок.

Авдий не отступает от своей цели, ведь столь «велико стремление человека быть услышанным наверху», и «сколько энергии, сколько мысли вложил он в уверения, покаяния, в славословия, принуждая себя во имя этого к смирению, к послушанию, к безропотности вопреки бунтующей крови своей, вопреки стихии своей, вечно жаждущей мятежа, новшеств, отрицаний». Он верит, что Бог пребывает «в наших мыслях и словах». Но чтобы слово «возымело божественное действие, [оно] должно идти от истины подлинной и безупречной». В этом заключена вся суть

размышлений Авдия, но, как отмечает блестящий рассказчик Чингиз Айтматов, бывшему священнику «предстояло еще узнать» о противостоянии добру зла «даже тогда, когда добро хочет помочь вступившим на путь зла».

Готовя читателя к страшным событиям, которые должны будут произойти в жизни Авдия, писатель проводит параллель между эпохой Иисуса и современностью: «Все, как было до Голгофы, так оно есть и до сих пор. Человек все тот же. И в человеке ничто с тех пор не изменилось. Человеку так много насулили со дня творения, каких только чудес не наобещали униженным и оскорбленным: вот царство Божье грядет, вот демократия, вот равенство, вот братство, а вот счастье в коллективе, хочешь – живи в коммунах, а за прилежность вдобавок ко всему наобещали рай».

Как видим, в человеке так ничего и не изменилось...

Авторские заметки об обновлении религиозной мысли

Приведенный выше диалог Авдия со священнослужителем непросто понять с первого прочтения. Выше мы упоминали об «обновленческой» форме «бунтарства» Авдия, приоткрыв его сущность, а теперь попытаемся понять идеи, выраженные бывшим священником, возжелавшим отойти от «архаичности» в целях поиска новых тенденций в духовной жизни, соответствующих «устоям» современности. Хотя писатель устами своего героя предлагает ответы на «больные вопросы» в контексте христианства, мы попробуем взглянуть на них через призму ислама.

Поскольку обновление исламской мысли – одна из расхожих тем нашего времени, следует уточнить, что под ней подразумевается не «реформирование» ислама с привнесением в него каких-либо новшеств и не изменение вероубеждения (акыды), а прежде всего отход от догматизации мышления и механического переноса в наши дни форм поведения и социальных отношений прошлого. Поскольку в современную эпоху резко изменились способы передачи и приобретения знаний, необходимо искать форму общественного устройства, подходящую для нынешних условий, но не противоречащую положениям Корана и Сунны. Содержание здесь непременно должно главенствовать над формой, что дает пищу для разума, ибо, согласно Корану, Аллах «не меняет положения людей, пока они не изменят самих себя». Следовательно, назрел этап «деконструкции» традиций. Именно традиций, а не постулатов, ибо за минувшие столетия в традиционное исламское право (фикх)росло множество местных обычаев. Поэтому важным шагом на пути исламского обновления считается самореформирование на всех уровнях – начиная с конкретного человека и до уммы в целом.

К сожалению, на определенных исторических этапах духовная жизнь мусульман становилась объектом государственного контроля. Чиновники следили за жизнью мусульман на предмет формального следования религиозным нормам, причем в строго очерченных рамках, в результате чего соблюдение законов Корана перестало оцениваться по первоначальному критерию – искренности и силе веры мусульманина. В целях укрепления личной власти правителя многие правила Корана об

индивидуальном поведении перестали быть духовными предписаниями, перейдя в разряд юридических норм, что привело к тотальному государственному контролю поведения мусульман. Так возникло противоречие между провозглашенной Кораном религиозной свободой человека и вменяемой ему государством обязанностью исполнять религиозные нормы, прописанные не в Коране, а в рукотворных законах. Это значительно ослабило чувственно-разумное восприятие Слов Аллаха, приведя к буквализму в исполнении Его предписаний, а также способствовало подавлению личности, что в корне противоречило духу Корана.

Такая политика тормозила формирование «думающего» общества, поскольку власти, узаконив единый свод правил поведения, практически лишили массы людей возможности самостоятельно размышлять над аятами, хотя Коран призывает как раз к обратному. И здесь сложно не согласиться с немецким философом Гегелем, считавшим, что «если религиозные постановления государства становятся его законами, то государство не больше приближается к законности, чем с помощью всех прочих гражданских законов».

Следовательно, назревший ныне этап обновления религиозной мысли никак не подразумевает непременно разрушение традиции, поскольку речь идет не о революции, а о реконструкции. Как подчеркивал бывший руководитель Международного института исламской мысли (США) Абу Сулайман, наступил этап, на котором должно сформироваться умение «мусульманской индивидуальности» взаимодействовать с «реалиями современной жизни». Это открывает путь к методологии и

аналитике (исключительно на базе исламских ценностей), которые обеспечат интеллектуально-цивилизационный переход к миру «высоких коммуникационных технологий и непрерывного развития», позволяющий реагировать на вызовы современности. Реализовать соединение «мировоззренческого и интеллектуального аспектов» можно путем воссоздания связи между Откровением и разумом, что позволит укротить «кризис мысли». А исламская методология будет способствовать формированию целостного взгляда на мир и место человека в нем, тем самым направляя его «на поиск конкретного решения».

Как видим, речь идет не об искусственной подмене доктринальных основ исламской религии, что в принципе невозможно, а о соблюдении заповедей Всевышнего и приведении всех аспектов нашей жизни в соответствие с Его высшей волей. Первым шагом к этому может быть наложение идей, целей и ценностей ислама «на современный опыт социокультурного строительства». Лишь тогда «реальность и практика» станут естественным результатом «соблюдения исламских норм», сохраняя связь с первоисточниками мусульманской веры и мысли, что будет способствовать формированию у мусульман независимого научного мышления и дальнейшему развитию исламских социальных наук.

Если мы хотим вернуть себе индивидуальность, ясность мысли и могущество, мы сами должны создавать условия для работы пытливого ума, жаждущего (под руководством Корана и в стремлении построить справедливое общество в соответствии с целями Шариата) размышлять и постигать, искать выгоду для личности и общества. Буквализму, подразумевающему

механическое прочтение Корана и формалистическую оценку сказанного учеными, мы должны противопоставить мысль, познание, научный метод, методологию, рациональное мышление. Следовательно, нам нужен системный подход, основанный как на Коране, так и на различных знаниях о человеке и мире.

Взгляд Авдия на две ипостаси внутри человека

В беседе с религиозным иерархом Авдий говорит, что внутри любимых созданий Всевышнего одновременно пребывают две противоположные ипостаси – силы добра и зла, что, возможно, явно вызвано желанием Ч. Айтматова заставить читателей поразмышлять о законе единства и борьбы противоположностей. Как бы неправдоподобно это ни выглядело, но давайте вспомним, как все мы с детства слышим о действии этого закона в природе и обществе. Следовательно, он вполне может быть применим и на религиозном пространстве.

Однако согласиться со взглядом об изначальном происхождении «противоречий» непосредственно между Богом и Сатаной не получается по сути, поскольку дьявола нельзя ни в чем приравнять к сотворившему его Создателю. А факт противоречий внутри самого человека вполне реален, ибо он может и следовать божественным предписаниям, и играть по правилам Сатаны. Следовательно, речь здесь идет о существовании в человеке двух противоположных ипостасей, что проявляется в его борьбе с собственными страстями, тяга к которым заложена в человека Творцом.

Но решения Всевышнего основаны на мудрости. Не нуждаясь в нашем механическом поклонении, а желая от нас искреннего следования Его постулатам, Творец позволил дьяволу пытаться сбивать верующих с пути истины. Поэтому с того момента, как человек осознает свое существование в этом мире, внутри него начинается борьба между двумя духовными началами. «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить», – сказано в Новом Завете. Согласно Корану, дьяволу дозволено подстергать творения Бога, пребывающие на «прямом пути» к Всевышнему, к которым он в разном обличье будет подходить «спереди и сзади, справа и слева». Как видим, двуединая природа человека сообразуется с замыслом Господа.

Кроме того, Аллах, сотворив человека из глины, «придал ему соразмерный облик, вдохнул в него от Своего духа». Следовательно, в человеке изначально сформирована как материальная (земная) ипостась (производная от глины, то есть земли), так и духовная (назовем ее возвышенной), происходящая от Божественного духа. То же самое сказано и в Библии: «Создал Господь Бог человека из праха земного», вдохнув «в лице его дыхание жизни», и «стал человек душою живою».

Это можно брать за основу для понимания причин периодического внутреннего конфликта двух «миров» внутри человека – материального и духовного, которым соответствуют две противостоящие тенденции: с одной стороны, желание чистоты в помыслах и действиях, с другой – склонность к страстям. Как пишет Омар Хайям:

*Ад и рай – не круги во дворце мирозданья,
Ад и рай – это две половинки души.*

А Оскар Уальд отразил эту вечную борьбу в диалоге героев своего знаменитого романа «Портрет Дориана Грея»:

*– Боже, чему я поклонялся! У него глаза дьявола!..
– Каждый из нас носит в себе и ад, и небо.*

Диалог Иисуса с Понтием Пилатом

Покинув лоно церкви, Авдий попадает в водоворот реальной жизни со всеми ее перипетиями и изнанками. Стойко выдерживая выпавшие на его долю испытания, бывший священник мысленного переносится во времена Иисуса. Его рассуждения мастерски переданы Ч. Айтматовым через диалог Понтия Пилата с Иисусом. Кажется, что Ч. Айтматов использовал здесь тот же самый прием, что и М. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита», изменив лишь формат дискуссии, в ходе которой оппоненты высказывают друг другу свои идеи и подходы к жизни (диалог приводится с небольшими сокращениями):

– Понтий Пилат: Никакого Царства справедливости быть не может. Справедливо всегда то, что есть. Царство справедливости, речами о котором ты подбиваешь легкомысленных роптать, – пустое дело! (И думает про себя: «Весь исконный порядок мироустройства решил опрокинуть вверх дном»).

– Иисус: Создатель наделил нас высшим в мире благом – разумом, предоставив нам волю жить по разумению. Как

распорядимся мы небесным даром, в этом и будет история истории людей. Ведь смысл существования человека в самосовершенствовании духа своего – выше чего нет цели в мире. В этом красота разумного бытия – изо дня в день все выше восходить по нескончаемым ступеням к сияющему совершенству духа. Тяжелее всего человеку быть человеком изо дня в день.

– Понтий Пилат: Как мир на том стоял, так на том и будет стоять: кто сильнее – у того и власть, и впредь миром будут править сильные. Порядок этот неизменен, поэтому напрасно ты болеешь за род людской, готовясь спасти его ценою жизни своей. Людей не научат ничему ни проповеди в храмах, ни голоса с неба! Они всегда будут следовать за кесарями, как стада за пастухами, и, преклоняясь перед силой и благами, почитать будут того, кто окажется беспощадней всех и могущественней всех, славя полководцев и их битвы, где кровь хлынет потоками во имя владычества одних и покорения и унижения других. В том будет доблесть духа, с принесением клятвы – ни вершка чужим не отдавать. Причем необходимость военных действий будет проистекать по воле народов: пусть собственный царь процветает, а другого задавить, поставить на колени, а землю отнять. В этом – вся сладость жизни, весь смысл бытия с незапамятных времен, а ты, Назарянин, хочешь все это осудить, проклясть, ты славил убогих и бессильных, ты благости повсюду хочешь, забывая при этом, что человек – зверь, что он не может без войн, как плоть наша не может без соли.

– Иисус: ты уверен, что то и есть сила, что ты считаешь силой. Но есть сила иного рода – сила добра, и постичь ее,

, пожалуй, труднее и сложнее, и для добродетели не меньше мужества требуется, чем для войн. Человек – творец каждого дня нашего, и изначальное предназначение истории – приближение разумных к божественным высотам любви и сострадания. Но каких только войн, жестокостей, убийств, гонений, несправедливостей, обид не узнали люди! Потому конец света грянет не от стихийных бедствий, а от вражды.

Этот проникновенный диалог Иисуса и Понтия Пилата дает нам пищу для глубоких размышлений. Мы слышим, как писатель устами своих героев как бы беседует сам с собой, а заодно и с нами, призывая нас задуматься о вечных темах – о самих себе, своем месте в мире, добре и зле, судьбах человечества. Это роднит Ч. Айтматова с Ф. Достоевским, который в романе «Братья Карамазовы» через своих героев точно так же пытался докопаться до смысла жизни людей.

Вслед за диалогом Иисуса и Понтия Пилата Ч. Айтматов продолжает размышлять о дне насущном уже через рассуждения Авдия: «На подходе новая могучая религия – религия превосходящей военной силы. В какие еще эпохи человеку доводилось изо дня в день, всю жизнь от рождения и до смерти существовать всецело в зависимости от того, развяжут войну эти силы или воздержатся? Кто же теперь боги, как не они, владельцы этого оружия? Вот разве что пока еще нет церквей, где молились бы на макеты ядерных снарядов на алтаре да били поклоны генералам». В уста Авдия писатель вкладывает важнейший вопрос: как избавить человека от неумемной жажды господства над другими и стремления к вседозволенности? Ведь именно самодовольство

и высокомерие заставляют человека повелевать и принуждать, когда у него власть, а когда власти нет – домогаться ее угодливостью, лицемерием и коварством. В чем же тогда подлинная цель и смысл жизни, и кто в состоянии ответить на этот вопрос так, чтобы все ему поверили?

«Законы человеческих отношений не поддаются математическим исчислениям, – говорится в романе, – и в этом смысле Земля вращается, как карусель кровавых драм». Неужто этому водовороту «дано кружить до самого скончания света, пока вращается Земля вокруг Светила?». Неужто абсолютный идеал – ум, окрыленный свободой мышления, возвышенная личность, полнотой изжившая в себе анахронизм зла, – в реальных условиях этой жизни вообще недостижим? Что с нами всеми произошло? Откуда такая черствость, категоричность, доходящая до полного неприятия чужого мнения, до нежелания слышать тех, кто мыслит чуть по-другому? Быть может, виной тому пандемия или глобальный финансово-экономический кризис? Хотя события после землетрясения, случившегося в Турции в феврале 2023 г., показали, что еще не все потеряно: люди искренне сострадали потерпевшим, к какой бы нации или вере те ни принадлежали, предлагали помочь. Так неужели нам нужно ждать новых катастроф, чтобы увидеть искренние проявления человечности?

Проводя параллель между современной жизнью и временами Иисуса и Понтия Пилата, Ч. Айтматов показывает неизменность людских нравов – мрак и свет остаются непременными атрибутами нашей жизни, двумя половинками нашей души, невзирая на разного рода материальный «прогресс». Жертвой

такого положения в наше время становятся люди, подобные Авдию, – их «распинают» ненавистники, завистники, недоброжелатели и им подобные, хотя и другими способами: отлучая, выдворяя или высмеивая. Но все же Ч. Айтматов дает надежду, что человечность в нас никогда не угаснет. В перипетиях этой жизни она подобна драгоценному камню, но она есть, и она дает нам надежду.

Единство всего живого

Ч. Айтматов не просто передает характер наших взаимоотношений с окружающей действительностью, но и раскрывает жизнь животного мира. А по-другому и быть не может, ибо растения и животные – это такой же замысел Всевышнего, как и люди, и все мы одна живая семья. Поэтому писатель начинает свой роман с описания жизни одной волчьей семьи, причем настолько мастерского, что если не знать изначально, о ком идет речь, можно подумать, что это человеческая семья: в ней все, как у людей – взаимная любовь, доверие и неприязнь, трепетное отношение к детям и их будущему.

Писатель не использует в романе расхожее выражение «борьба за существование», но фактически подводит нас к мысли, что это и есть принцип жизни. И волки, и люди за чем-то постоянно охотятся, одновременно борясь с конкурентами, по если первые – за пропитанием в буквальном смысле, то последние – за куда более значительными приобретениями. Ч. Айтматов прекрасно показал эту борьбу как в человеческой среде (через столкновение жизненных установок Авдия и наркоторговцев, а затем

и убийц животных), так и в окружающем людей животном мире.

Поэтому Ч. Айтматов объединяет в своем романе несколько линий повествования: Иисус и Понтий Пилат (исторические персонажи в современном перевоплощении, но с теми же жизненными принципами), люди, волки, беззащитность окружающей среды. Однако эти линии тесно переплетены, хотя и кажутся взаимно далекими в пространстве (люди и волки) и времени (Авдий, а также Иисус и Понтий Пилат). Но если историческая параллель – это традиционный литературный прием, то параллель между живыми существами, выражающаяся в общности их «повадок» и поведения и мастерски показанная Ч. Айтматовым на примере волчьей семьи, можно считать его уникальной литературной находкой. Такая общность обусловлена не только поведенческим фактором – благополучие волчьей семьи (как и других звериных сообществ) еще и напрямую зависит от действий людей. Ч. Айтматов показывает, что все на нашей планете нуждаются друг в друге, хотя это далеко не всегда осознается. Однако знание об этом – религиозный долг людей, поскольку именно их Господь сделал наместниками на земле.

Еще один фактор единства всего живого – это чистота окружающей среды. Задумываются ли люди, что ее загрязнение означает планетарное бедствие – для них самих, растений и животных? Знают ли они о неразрывной связи между экологией естественной природы и экологией души?

Ч. Айтматов оказал нам незаменимую заслугу, раскрыв сущность единства всего живого, показав деградацию человеческой души вследствие утраты экологической чистоты, то есть

силы природы в ее первоначальном виде. Писатель предупреждает нас о хрупкости мироздания: оно начинает рушиться, когда ршатываются его главные опоры: человек – природа – общество. Если в этом треугольнике не сохраняется предусмотренный Всевышним баланс, то цивилизации скоро наступит конец. Поэтому Ч. Айтматову принадлежит такая фраза: «Как важно научиться переживать и понимать каждое явление природы и наслаждаться этим».

Здесь стоит вспомнить, что еще в далеком 1972 г. Генеральная Ассамблея ООН объявила 5 июня Всемирным днем окружающей среды. В этот день в год Миллениума (2000 г.) достоянием мировой общественности стала поддержанная ЮНЕСКО программа ООН «Тысячелетие окружающей среды, приступить к действию». Сам факт ее появления свидетельствует, что человечество стоит на грани экологического кризиса, вызываемого регулярными природными катаклизмами. Но если происходящее вокруг нас считать Божественными предзнаменованиями, тогда в потеплении климата (с производным от него опустыниванием земель) и других аномалиях мы увидим тревожные для себя сигналы, означающие, что нам надо срочно что-то предпринимать.

Для начала необходимо поставить вне закона все, что приближает экологическую катастрофу. Например, в уголовно-процессуальном кодексе Азербайджана определено, что «органы, осуществляющие уголовный процесс, не вправе скрывать обстоятельства, ставящие под угрозу жизнь и здоровье людей, окружающую среду» (12.6). Глава 28 Уголовного кодекса страны «Экологические преступления» устанавливает

наказание за конкретные действия, наносящие экологический ущерб: она включает статьи «Загрязнение вод (источников воды)», «Порча земли», «Нарушение правил охраны и использования недр», «Незаконная порубка деревьев» и другие. Статья 247 «Нарушение правил охраны (защиты) окружающей среды при производстве работ» призвана уменьшить экологический ущерб от производственных источников загрязнения; в ней конкретизирована уголовная ответственность за «существенное изменение радиоактивного фона, причинение вреда здоровью человека <...> при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации промышленных <...> объектов». А Статья 39 Конституции Азербайджанской Республики «Право жить в здоровой окружающей среде» предоставляет каждому гражданину страны право жить в условиях здоровой окружающей среды.

Теперь давайте отвлечемся от природных аномалий, случающихся по велению Всевышнего в ведомый лишь Ему одному период. Но что делать со ставшей для нас привычной «грязью» в виде пыли и всякого рода паров и жидкостей? Это, увы, часто и есть наша реальная окружающая среда. Мы постоянно дышим пылью, образующейся при строительстве, ремонте, реконструкции любых городских объектов, или же парами от автомобилей. В результате этого из нашей жизни исчезает такое явление, как прогулки по городу, поскольку они становятся опасными для здоровья. И что делать дальше? Где искать первопричины наших экологических проблем? Всегда ли они имеют внешнее по отношению к нам происхождение или же кроются в экологии души,

которую мы не в состоянии очистить от наслоений духовной грязи, мешающей нам почувствовать глобальные угрозы для нашего же существования?

Если в глобальных природных катаклизмах мы видим предупредительный сигнал от Всевидящего, они воспринимаются нами как предвестники глобальных потрясений, постепенно урезающих временной отрезок земной жизни. Но известно ли нам, что такие потрясения проистекают от деградации духовных основ нашей жизни? Если мы этого не поймем, катастрофы не избежать. И от нее уже не спасет ни высокий социальный статус, ни богатство, ни власть. И пока контуры катастрофы лишь вырисовываются, мы должны сделать все для очищения души, тела и природы. Не только проводя конкретные акции или марафоны, но в первую очередь борясь с бездуховностью, будь то в семье, на работе, в обществе.

Далее мы более подробно поговорим о затронутых Ч. Айтматовым проблемах животного мира.

Оберегая животных, защищаем себя

Неприязнь отдельных людей к братьям нашим меньшим существовала всегда, и были времена, когда насилие людей над животными рассматривалось как развлечение, иногда жестокое, но вполне приемлемое. Но допустимо ли такое отношение к животным в принципе, даже учитывая ту оговорку, что (по мнению некоторых психологов) это один из способов доказать превосходство человека над другими живыми видами?

Многие живые виды постепенно исчезают с лица земли. По данным Международного союза охраны природы, за последние 500 лет документально подтверждено полное исчезновение свыше 850 видов животных и растений, а сведения о вымирании еще более 200 видов нуждаются в подтверждении. Биотическое разнообразие нашей планеты теряется прежде всего под влиянием антропогенного воздействия на окружающую среду. Причем человек мало заботится о сохранении даже тех видов, которые он сам разводил. По оценкам экспертов Программы развития ООН, риску исчезновения подвержены 25% пород домашних животных и свыше 40% всех живых видов на нашей планете.

Некоторые ученые утверждают, что экологическая система ежедневно теряет от 150 до 200 видов растений, животных, птиц и насекомых. Согласно Американской инспекции по пчеловодству (American Apiary Inspection), к 2009 г. в США погибло уже 36% пчелиных семей. Дело дошло до того, что в 2015 г. Белый дом утвердил Национальную стратегию по поддержке здоровья медоносных пчел и других опылителей (National Strategy to Promote the Health of Honey Bees and Other Pollinators), включающую ряд мер, позволяющих в течение 10 лет достичь 15-процентного снижения уровня смертности пчел во время зимовки. Одна из этих мер предусматривает восстановление естественных медоносных угодий на территории 2,8 млн га.

Подобная тенденция, пусть и в меньшей мере, характерна и для других развитых стран. Канадский совет по меду, Совет пчеловодной индустрии Австралии, Ассоциация пчеловодов Великобритании потребовали от правительств своих стран

выделения нескольких десятков миллионов долларов на компенсацию потерь пчеловодов во время зимовки пчел и значительную сумму на научные исследования в этой области. Беспокойство по данному вопросу выражается в Голландии, Швейцарии, других европейских странах.

В 2010 г. прогнозировалось исчезновение к 2035 г. мировой популяции пчел в мире. В одной только Германии популяция в 2017 г. сократилась почти на треть по сравнению с 1952 годом, когда она составляла 2,5 млн пчелиных семей. Примерно 200 тысяч пчелиных семей недосчитались немецкие пчеловоды в этом же году по сравнению с 2016 г.

Об аналогичной тенденции свидетельствуют факты китобойного промысла, целью которого является прежде всего добыча ворвани, служащей в качестве промышленного топлива. Из печени китов вырабатывался витамин А, из желез и мозга – гормоны, в частности инсулин. Такие страны, как Исландия и Норвегия, отказались соблюдать мораторий на промысел, введенный в 1986 г. Международной китовой комиссией.

В Дании не прекращается отлов калдеронских дельфинов (гриндов), известных своим интеллектом. Кровавая резня происходит ежегодно на Фарерских островах. По словам очевидцев, в ходе жестокого побоища эти существа испускают душераздирающий крик, схожий с плачем новорожденного ребенка. Дельфинов часто убивают целыми семьями, что является своего рода обрядом: после такой процедуры подросток считается взрослым мужчиной. Справедливости ради отметим, что, согласно ряду источников, несмотря на дикий характер этого почти ритуального

действия, фарерцы таким образом добывают себе запасы еды на длительное время. Мясо гринд составляет почти 30% от всего потребляемого ими мяса.

Поэтому давайте зададимся тем же вопросом, который ставит Ч. Айтматов. Не Единым ли для всех Богом создан животный и растительный мир? И не должно ли простираться людское милосердие на все живые творения Создателя?

В Коране знамение «для людей разумющих» заключается в том, что Аллах расселил на земле всевозможных животных, поставив это событие в один ряд с сотворением небес и земли, сменой ночи и дня, ниспосланием дождя, посредством которого оживляется «мертвая земля». Сообщая о том, что живые существа сотворены из воды (одни «ползают на брюхе», другие передвигаются «на двух ногах», третьи «ходят на четырех»), Коран проводит знак «физиологического» равенства между людьми и животными. Такое равенство проявляется и в том, что Коран упоминает о «различных цветах» у людей и животных, хотя последние, ввиду того, что Всевышний сотворил для нас все, «что на земле», созданы во благо человека.

Сегодня нам еще не известна конкретная польза каждого вида животных для людей, но Коран говорит, что Аллах создал для нас скот, приносящий «тепло и пользу», как источник шкур для жилищ и продуктов питания, транспортное средство. Коран позволил людям и морскую добычу. А в аяте, гласящем «вкусайте сами и пасите свой скот», разумные люди увидят еще и руководство к действию, поскольку пасти свой скот можно лишь приручив его. Следовательно, Аллах призывает людей приручать

животных. А если так, то как тогда не вспомнить «Маленького принца» Антуана Сент-Экзюпери: «Если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу <...> Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».

У Всевышнего есть и другие аяты о животных, требующие разумения. Возьмем, к примеру, аят о Божьей помощи нам «домашней скотиной и сыновьями, садами и источниками». Обратим внимание, что в связи с помощью человеку скот ставится в один ряд с сыном. И в этом нет ничего необычного, если вспомнить, что Создатель повелел Ибрахиму (Аврааму) замснить во время жертвоприношения Исмаила (Измаила) овцой. «Мы выкупили его великой жертвой», – сказано в Коране. По мнению комментаторов священного текста, «величие» (значительность) этой жертвы определялось тем, что, во-первых, она была выкупом и возмещением за жизнь Исмаила, во-вторых, жертвоприношение утверждалось как один из величайших обрядов поклонения (Курбан-байрам), совершаемых вплоть до наступления Судного дня.

Что касается признаков наступления Судного дня, то одним из них, согласно Корану, является появление из земли животного, должного сказать «им, что люди не были убеждены в наших знамениях». Внешний вид этого животного не описывается, но именно его толкователи Корана считают «доказательством правдивости верующих и обвинительным приговором» для неверующих. Среди других знамений Судного дня – сбор диких зверей, что означает изначальное различие между домашними и дикими животными.

Воспитание ответственности через заботу о животных

Говоря о полезности животных для человека, Коран ссылается не только на крупный скот (например, верблюдов), но и на членов «мелких» семейств (пчел, муравьев). Польза домашних питомцев для их хозяев – тема, заслуживающая отдельной книги, но мы здесь поговорим об отдельных ее моментах.

Прежде всего, наличие «квартирных» животных дисциплинирует малышей, особенно если они самостоятельно за ними ухаживают. Это приучает детей к порядку и ответственности, поскольку в их руках забота о таком же живом существе, как и они. Кроме того, у маленьких хозяев животных, не имеющих братьев и сестер, не развивается чувство эгоизма. Но такие положительные качества проявляются лишь тогда, когда ребенок сам желает заботиться о животных. Если это так, между ребенком и его домашним любимцем возникает привязанность, перерастающая в дружбу. Ребенок видит глаза своего друга, учится понимать его движения и улавливать желания, а в благодарность за это обретает верность и преданность питомца. В процессе такого общения малыш осознает, что «они такие же, как мы» – со своими мыслями, переживаниями и надеждами.

А если рядом с «квартирными» животными еще и домашние растения, могущие расцвести или засохнуть в зависимости от ухода на ними? Для детей это будет кусочек огромного живого мира во всем его многоцветии. Они поймут, что живут, растут, питаются, дышат не только люди, но и все остальные создания Аллаха.

Да, мы – любимые создания Господа, но на нас лежит ответственность за беззащитных и слабых. Человек возвышен Богом над другими не вследствие физического превосходства, а из-за значительно более высокой степени сознания, основанного на духовной силе. Но превосходство в сознании возлагает на людей нравственные обязательства – проявлять сострадание, милосердие, великодушие и справедливость к себе подобным.

В ответ на заботу о меньших братьях люди получают заслуженную награду – преданность, которая выражается не только в исполнении прихотей хозяина (вернее, друга), но и в его надежной охране. Оберегая друга-хозяина, животное будет предупреждать его об опасности, посылая определенные сигналы, а тот научится быстро на них реагировать. Такое общение с животным способствует развитию у человека наблюдательности, логики и памяти. Для детей оно особенно полезно как одно из средств познания мира.

Бытует мнение, что религия неоднозначно относится к проявлению любви к животным. Но исламская традиция доказывает как раз обратное. Согласно хадису, одна женщина попала в ад из-за того, что довела до голода кота, поместив его за дверь, закрытую на засов. В другом хадисе передан рассказ пророка Мухаммада о человеке, испытывавшем сильную жажду в пути. Обнаружив колодец, он спустился к воде и напился, а когда вылез обратно, заметил собаку с высунутым языком, от жажды облизывавшую влажную землю. Увидев ее страдания, подобные его собственным, этот человек вновь спустился к воде, набрал ее в свой масих (вид обуви) и, зажав в зубах, поднялся. После чего

напоил собаку, а Аллах отблагодарил его за это, простив ему грехи.

Читатели могут привести на этот счет немало примеров из современной жизни. Автору лишь хотелось привлечь внимание к проблемам, поставленным Чингизом Айтматовым, включая понимание того, что агрессивность людей в отношении животных подрывает основы созданного Всевышним мироздания. Ведь у каждого сотворенного Господом существа свое предназначение во Вселенной, ибо Он придал «соразмерную меру» всякой вещи, вплоть до создания всевозможных «животных парами».

Поэтому нельзя не согласиться с древнегреческим философом Платоном, согласно которому все в мире «возникает ради всего в целом, с тем чтобы осуществилось присущее жизни целого блаженное бытие». Ибо любой врач или искусный ремесленник действует «ради целого, направляя все к общему благу», а не создает «целое ради части». Здесь можно вспомнить и слова немецкого философа и культуролога Освальда Шпенглера: назвав животный мир микрокосмом «по отношению к макрокосму», он отметил, что «всякая свобода движений» макрокосма в пространстве является продолжением «жизни и дыхания такта космических кругообращений, который время от времени разряжает напряжение всех бодрствующих единичных существ в едином, даваемом в ощущениях, мощном созвучии».

Ч. Айтматов и современность

Американский прозаик, лауреат Нобелевской премии по литературе Уильям Фолкнер как-то произнес: «Я стараюсь собрать

всю историю человеческого сердца, если можно так сказать, на кончике своего пера». Завершив чтение прекрасного романа кыргызского мыслителя, можно лишь дополнить мысль У. Фолкнера тем, что Ч. Айтматов в романе «Плаха» не только собрал историю человеческого сердца, но и соединил ее с душой живой природы.

Сам писатель говорил, что «я все чаще наталкиваюсь на пугающую меня мысль, что в наше время в силу целого ряда обстоятельств в развитии мировой культуры стало трудно полагаться на прежнюю традиционную диалектику бытия – на тот извечный баланс добра и зла, на котором худо-бедно, но держался белый свет. Эта почтенная диалектика мироустройства оказалась ныне, на мой взгляд, вне рамок здравого смысла и потому уже не в состоянии служить инструментом познания личности и современного общества. И потому я задаюсь вопросом: не означает ли это положение вещей наступления принципиально новой эры в существовании человеческого духа на земле, равносильно, скажем, ледниковому периоду в геологической истории планеты? Поскольку «добро уже не может рассчитывать на самопрорастающую силу, для того чтобы уберечь мир от распада, ему придется приложить усилия, вчера еще непредставимые».

Ч. Айтматов назвал совершенно очевидным то, что мир повсеместно переживает революцию в области науки и техники, входящую в наш быт, «заливая потоками информации, меняя системы общения, все более вовлекая в сферы массовой культуры в самых разных ее видах». Это, по его мнению, объясняется целым рядом «других реальностей нынешней нашей жизни, возникающих в ходе неукротимого научно-технического прогресса».

Важнейший нюанс здесь в том, что «в одних случаях этот прогресс – благо, источник обогащения и роста человеческого интеллекта». В других – фактор, порождающий множество «сложностей в культуре и в общественной жизни, сложностей, с которыми мы ежедневно сталкиваемся».

Именно эти противоречия четко отражены в романе «Плаха», где переплетены не просто судьбы людей и зверей, а отдельные вехи мировой истории. Айтматов великолепно изобразил единство исторического процесса, показав сильные и слабые стороны людей как главных персонажей истории. Этому подходу писатель следовал всегда, подчёркивая, что изменяться может форма литературы, но неизменным остается ее подлинное назначение – «отражение человеческой сущности».

Первозданность природы или как Иссык-Куль стирает границу между горами и облаками

Размышляя об идеях «Плахи», невозможно не вспомнить об уникальности озера Иссык-Куль, поскольку весь роман пронизан особым чувством Ч. Айтматова к этому озеру. Нам хорошо известно, что оно является визитной карточкой Кыргызстана, жемчужиной этой горной страны. Но одно дело – слышать об этом бесподобном месте или знать разные легенды о его происхождении, другое – воочию убедиться в его красоте и уникальности: оно не замерзает даже зимой и этим определяется его название, в переводе на русский язык означающее «теплое озеро».

Это красивейшее озеро манит всех желающих окунуться в

него. Его водная гладь восхитительна в любую погоду, даже при сильном ветре или дожде. Тот, кто оказывается на его сказочных берегах или погружается в его волшебные воды, забывает о переживаниях и заботах, обретая спокойствие души и светлые надежды. Вокруг озера – первозданная природа с неповторимыми ароматом и красотой тьянь-шаньской ели и других величественных деревьев, тянущихся к небесам. А рядом с ними – душистые многоцветные розы.

В одной из легенд упоминается о суровом климате и изменчивости погоды на Иссык-Куле: «Черные тучи закрыли небо, гроза разбушевалась над перевалом, обрушиваясь ослепляющими вспышками молний и проливным дождем». Действительно, даже в разгар лета здесь можно наблюдать, как палящее солнце внезапно заходит за облака и вскоре все скрывается из виду за сплошной стеной дождя. Но этот поток так же внезапно прекращается и вновь возвращается солнце.

О том, как соприкасаются на Иссык-Куле вода и небо, Ч. Айтматов мастерски описал и в повести «Белый пароход». Благодаря его таланту мы ясно видим, как между водой и небом «вписываются» горы, будто переплетаясь с облаками. По признанию самого писателя, именно пребывание на Иссык-Куле позволило ему написать два основных романа: «И дольше века длится день» и «Плаха». Поэтому неслучайно как раз на фоне красот Иссык-Куля разворачивается повествование о судьбе прекрасной волчицы Акбары и ее семейства.

Однажды Ч. Айтматов сравнил это озеро с душой народа, в которой, «как в зеркале, отражаются его сокровенные чаяния

и устремления». В романе «Плаха» есть выражения «чистое зеркало Иссык-Куля» и «синь Иссык-Куля».

Оставаясь один на один с Иссык-Кулем, мы ощущаем его особую ауру, создаваемую спокойствием и безмятежностью, то есть теми же чертами, которые свойственны кыргызскому народу. А изменчивость погоды на озере также созвучна с характером кыргызов, которым присуща такая черта, как готовность противостоять несправедливости. Но после бури всегда возвращается солнце, дающее лучи вечной надежды.

ЧЕМУ УЧИТ «ПЕГИЙ ПЕС, БЕГУЩИЙ КРАЕМ МОРЯ»

Суша и море

В нестареющей повести Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря», написанной в 1977 году, есть четыре героя, разных по возрасту, характеру и другим качествам, но во многом и одинаковых. Хотя схожесть и определяется племенным родством, однако образ мышления и воспитание могут различаться и у одноплеменников. Но эти четверо прекрасно понимают друг друга, будучи связаны как видимой, так и невидимой нитью принадлежности к единой человеческой семье.

Начинается и завершается повесть таким описанием: «Гудело и маялось море во тьме, набегая и расшибаясь на утесах. Надсадно ухала, отражая удары моря, каменно твердая земля. И вот так они в противоборстве от сотворения – с тех пор как день зачался днем, а ночь зачалась ночью, и впредь быть тому, все дни и все ночи, пока пребудут земля и вода в нескончаемом времени. Все дни и все ночи». Но сколько всего произошло между ее началом и окончанием! Читая эту повесть, видишь, что ее небольшой, но напряженный и трагический сюжет вобрал в себя всю человеческую жизнь с ее страхами и уверенностью, бурями и спокойствием, склоками и дружбой навек.

Описывая в повести противоборство суши и моря, философ Айтматов призывает нас поразмышлять о самих себе. Разве эти суша и море не находятся внутри каждого из нас? Разве в нас нет

внутреннего противостояния, когда душа велит нам совершать как доброе, так и злое? Именно это свойство человеческой души раскрывает Ч. Айтматов, погружая нас в мир своих прекрасных героев.

11-летний Кириск достиг возраста посвящения в мужчину-охотника и впервые отправляется на морскую охоту на родовом каяке. Не корысти ради, а в целях обучения навыкам охотника, поскольку именно охота дает пропитание всем его близким. Вместе с умудренным опытом старейшиной клана Органом, своим отцом Эмрайном и двоюродным братом отца Мылгуном юный Кириск отправился в открытое море «на настоящую добычу» и «сияющие, чистые, одухотворенные глаза мальчишечьи не могли утаить радости и гордости, переполнявших ликующую душу. Впереди море, впереди большая охота».

Для него «начиналась жизнь морского охотника», будущего «добытчика и кормильца». Так было заведено у малочисленного народа нивхи, проживающего на острове Сахалин: «Каждый, кто рождается мужчиной, обязан побрататься с морем с малолетства, чтобы море знало его и чтобы он уважал море». Ведь может статься так, что когда опытные добытчики «отойдут от дел, превратятся в немощных старцев, именно он, Кириск, будет кормильцем и опорой рода. Так оно и положено быть, так оно и идет в поколениях, из колена в колено. На том жизнь стоит». Провожая сына, «мать постояла молча, затаив в том молчании и страх, и мольбу, и надежду, да пошла назад, не оглянувшись ни разу в сторону моря».

Лодка движется быстро и уверенно, «легко повинуюсь

рулю» и как бы «сама по себе играючи плывет». Но это лишь на первый взгляд, а на самом деле каяк держал путь к трем скальным островкам – трем клочкам суши, выступавшим «темными сосцами среди водного безбрежья», где охотники должны были встретиться с нерпой. Пролегал же этот путь «в океан, меры которому не было, имя которого они не знали, – Великая, нехоженная, неведомая Вода вечности».

Ч. Айтматов великолепно передает мысли Кириска, его взгляд в море и в то, что с этим связано. Писатель упоминает и о мальчишеском страхе, когда, удаляясь на каяке «от земли, он стал улавливать некую смутную опасность, исходящую от моря, и почувствовал всю свою зависимость от [него] – свою бесконечную малость и бесконечную беззащитность пред лицом великой стихии». Страх Кириска перед морской стихией определяет для Ч. Айтматова разницу «между сушей и морем». Находясь «на земле, не думаешь о земле. А находясь в море, неотступно думаешь о море, даже если мысли твои о другом». И в том, что «море заставляло постоянно думать о себе, таилось нечто неведомое, настойчивое, властное»... Старшие тем временем продолжали спокойно грести, а аксакал Орган пытался узнать, способен ли Кириск «запоминать стороны моря», и остался доволен проверкой.

Покуда четыре героя Ч. Айтматова борются с морской стихией, писатель переходит к описанию их внутреннего мира: чем они живут, чем дышат, о чем думают. Благодаря мастерскому перу писателя мы чувствуем все богатство внутреннего мира каждого из героев, начиная со старшего Органа и заканчивая

юным смельчаком Кириском. Причем Ч. Айтматов неслучайно знакомит нас со своими героями именно сейчас, до наступления определенного момента X, когда должны будут проявиться сильные черты их характера. Иначе мы бы не поняли дальнейших действий этих людей. Заметим, что Ч. Айтматов не рассказывает биографии своих героев, а лишь передает нам их мысли и рассуждения, отчего они становятся нам намного ближе.

Очень интересным кажется взгляд старика Органа на море, устами которого Ч. Айтматов мастерски доносит до нас свое понимание взаимоотношений человека и природы: «Перед лицом бесконечности простора человек в лодке ничто. Но человек мыслит и тем восходит к величию Моря и Неба, и тем утверждает себя перед вечными стихиями, и тем он соизмерен глубине и высоте миров. Потому, пока человек жив, духом он могуч, как море, и бесконечен, как небо, ибо нет предела его мысли».

Возможно, кто-то проведет здесь параллель со знаменитым изречением Рене Декарта «сōgītō ergō sum»² (с лат. «мыслю, следовательно, существую»). Но все же Ч. Айтматов говорит о чем-то более универсальном – о человеческом духе и бесконечности, то есть о месте человека во времени и пространстве, и о возможности познать этот мир.

Ну а четверо в лодке вскоре достигают первого острова, где охотники добиваются успеха – одна из нерп повержена точным выстрелом. Затем охотники уже думают о следующем острове, который должен принести им еще больше приятных мгновений.

² Один из основных принципов западного рационализма Нового времени. – прим. авт.

Стихия

Но судьба распоряжается иначе. Отец Кириска, Эмраин, говорит, что его настораживает погода. И действительно, «море заметно изменилось. Волна стала плотней. Тверже. Масса воды еще продолжала катиться в прежнем направлении, ветер же успел уже перемениться. Лодку встряхивало и качало теперь гораздо жестче. Но охотников больше беспокоило небо. Что оно предвещало? Что-то непонятное и неожиданное в это время года! Туман подступал зримо». Тем временем волны, ветер и туман обрели еще более зловещую силу: «Все потонуло в беспросветной мгле. Туман обрушился, как обвал, погребая их в пучину безмерного мрака. Сразу, в мгновение ока, они попали из одного мира в другой. Все исчезло. С этой минуты не стало ни неба, ни моря, ни лодки. Они не различали даже лиц друг друга. Море бушевало. Лодку кидало то вверх, то вниз, то разом вскидывая, то низвергая разом в расступающуюся пропасть между волнами». Опыт охотников им не помогал и они боролись со стихией «наугад, вслепую, только бы удержать каким-либо способом лодку на плаву, не дать ей перевернуться. Теперь уже не могло быть и речи, чтобы направлять лодку к какой-то цели. Волны несли ее по своей необузданной прихоти неизвестно куда, и неизвестно». А просвета все нет и нет: «Волны безостановочно уносили лодку во тьму непроглядного тумана».

Как видим, Кириску не повезло. Его первый выход в море показал, насколько он беспомощен перед бурей. Он лишь услышал призыв Органа крепко держаться за него, но никто, включая отца, «не мог облегчить его участи, ибо все они были равны

перед лицом яростной стихии». Орган с Кириском стали вычерпывать воду из лодки, вслед за чем Орган наказал мальчишке бередь бочонок с водой, «что бы то ни случилось». А когда лодка вновь заполнилась водой после очередной волновой атаки, команда начала постепенно выбрасывать все, что в ней было: «В море полетели оба винчестера, гарпун, мотки веревок и все прочие вещи, и даже жестяной чайник Органа», а затем и туша нерпы. Киrisk, которого сковал страх, отчего он, не стесняясь, громко заплакал, не выпускал из рук бочонок с водой, чувствуя, что «они тонут».

Под аккомпанемент разбушевавшейся стихии все четверо, «истерзанные, измотанные ночным шквалом», иногда умудрялись засыпать. Немало испытавший на своем веку Орган «такого жестокого случая не знал» и даже рад, «что чудом остались живых, ему было от чего повесить голову», поскольку команда осталась в лодке всего «с двумя парами весел и початым бочонком пресной воды». Никто не мог представить, «что их ждало впереди».

Орган лишь понимал, что «в чреве тумана» начинается «самое страшное – распределение воды», и взял это тяжелейшее дело на себя: «Зажав бочонок под мышку, тоненькой струйкой цедил он влагу на дно ковша, и руки его при этом крупно дрожали. Первым он подал Киriskу. Киrisk едва дождался этого. Застучал зубами о край ковша и, проглатывая воду, почувствовал лишь на мгновение, как увлажнился, опал жар внутри и как от волнения зашумело в голове». Но, налив всем по чуть-чуть воды, Орган отказался пить сам: «Пусть Киrisk выпьет за меня». Мальчик

отказался, но Орган настоял, тем более что Мылгун, а уже затем отец Эмрайин, также позволили ему это сделать. Органа обрадовало поведение Киriskа и «взгляд его смягчился, благодарно лаская» мальчишку, делающего первые взрослые шаги. А Орган, понимая «безвыходность положения», буквально «высыхал на глазах».

Ч. Айтматов крепко привязывает читателя к своим героям, как бы помещая его в одну с ними лодку среди морской стихии и делая живым свидетелем тех событий. Напряжение читателя возрастает не меньше, чем у героев: с одной стороны, читатель начинает строить страшные догадки и к нему приходит желание быстренько пролистать книгу, убедившись, что они не сбудутся, с другой – писатель привязывает читателя к повествованию так, что тот не может не только читать страницы «по диагонали», но и пропустить даже одну фразу.

А стихия не проходит, все более напрягая героев, а вместе с ними и читателя. В конце концов сдают нервы у опытного и сильного душой Мылгуна, но его собратья на него не в обиде – они уверены в себе, а потому выдержат. Мылгун тем временем приходит в себя, а мудрый Орган продолжает распределять воду для всех (на доньшке ковша), отказываясь даже смачивать свои губы.

Самопожертвование

«Четверо обреченных в углой ладье. Без воды, без пропитания, без путеводных звезд среди океана». И вскоре все понимают,

что задумал Орган.

– Раз нам конец – кому-то можно и самому поторопить судьбу, чтобы другие повременили, – говорит он отцу Кириска.

Проснувшись, мальчик не увидел аксакала.

– Не зови его. Ты только не плачь. Он сказал, чтобы я тебе дал воды. У нас еще есть немного, – произносит отец. И Кирииск все понимает.

А вскоре уходит и Мылгун, и «страшно и невыносимо было слушать слова человека, обречшего себя на медленную смерть».

– Вот теперь мы одни, – бормотал Эмрайин, утирая слезы с бороды.

А воды в бочонке оставалось всего на несколько раз. И совсем по чуть-чуть. Почти ничего. Отец по каплям поил мальчика:

– А ты? – удивился Кирииск.

– А я потом. Ты не думай ничего, выпей.

После чего отец произносит: «Ты не бойся. И запомни, даже совсем без капли воды во рту человек может протянуть два-три дня. И что бы то ни было, ничего не бойся».

Мальчишка заметно «ослаб, как и сам он слабел час от часу. Это-то и вынуждало отца торопить события». Эмрайин понимал, что и ему «предстоит вслед за Органом и Мылгуном покинуть лодку, что это единственная возможность если не сохранить, то хотя бы продлить жизнь сына настолько, насколько оставалось на дне бочонка той немногой воды». Это есть самопожертвование «ради сына, пусть не имеющего никаких надежд на спасение и все-таки и вопреки этому оберегаемого им до последней возможности, ради того, чтобы сколько-нибудь продлить ему

жизнь, и в том теперь заключалась безотчетная борьба и надежда отца, в том теперь он видел свою последнюю волю и деяние, ради всего этого он должен был поскорее покинуть лодку. Но именно из-за него, из-за сына, он не мог на то решиться, не смея бросить его на произвол судьбы. Но и медлить, тянуть дальше тоже становилось опасно – уходили последние силы, необходимые, чтобы собраться с духом». Когда Кирииск проснулся, отца в лодке не было. Он «рванулся, шаря по лодке, и закричал жутким воплем, горестно огласившим безмолвную пустыню туманного моря. Долго не смолкал его одинокий, полный отчаяния и боли вопль. Он плакал страшно, до изнеможения, а потом упал на дно лодки, хрипя, и бился головой о борт».

За эти несколько дней Кирииск стал взрослым мужчиной: он столько всего увидел, узнал и пережил, его «голова шла кругом от голода и слабости. Ему не хотелось ни двигаться, ни глядеть по сторонам», а «водицы оставалось еще раза на два попить», но «трудно стало добраться до бочонка». Кирииск впадал в беспамятство, а лодка дрейфовала сама по себе. Вдруг, очнувшись от качки и шума волн за бортом лодки, «мальчик тихо вскрикнул – он увидел над собой звезды! Первый раз за все эти дни. Мальчик смотрел на звезды со слезами на глазах». И при этом понимал, что «не удастся теперь подняться с места, что дни его сочтены, что он умрет скоро от жажды». А лодка тем временем плыла по течению «без руля и без весел». Кирииск лежал в полубреду и полусне. И неожиданно услышал, как над головой со свистом прошумели крылья. То была большая, сильная птица. Мальчик вспомнил уроки старика Органа о птице агукук, по направлению

полета которой можно узнать, где находится суша. Кириск сразу вспомнил, что агукук летит над морем только по прямой. Лодка же будто сама вела по этому пути.

Наступило утро. Взошло солнце над морем. Кириск протер глаза и обомлел: «Прямо на него из-за темно-зеленой горбины моря» выплывал его родной остров. «Еще один день наступал», – завершает повествование Ч. Айтматов.

Главное – не бездействовать

Ч. Айтматов в повести «Пегий пес, бегущий краем моря» мастерски показал смелость человека, его внутреннюю силу, преданность делу, ответственность за себя и будущие поколения, но не только это.

Кириску 11 лет, а не 15 или 17. Следовательно, Ч. Айтматов хотел показать, что в определенных обстоятельствах человек может за пару суток превратиться из ребенка в мужчину, возмужав, приобретя опыт, знания и даже понимание смысла жизни. Но эти обстоятельства должны быть чрезвычайными, требующими крайнего напряжения физических, нервных и душевных сил, ставящими человека перед выбором – либо уступить превращениям судьбы, либо мужественно с ними бороться несмотря ни на какое отчаяние. Старшие герои повести нашли для себя выход. Если отчаяние в них и присутствовало, то где-то в глубине и неявно, но вера в правоту принятого решения (тяжелого и мучительного) была гораздо сильнее. А у Кириска отчаяние превозмогла надежда.

В этой связи вспоминается эпизод из романа А. Дюма «Граф

Монте-Кристо», когда его главный герой Эдмон Дантес, находясь в темнице на острове, не раз оказывался грани сумасшествия. Но аббат Фариа дал ему ценный совет: «Дантес, опасайтесь бездействия, вы утонете, пытаясь спастись, если не будете упражнять свои силы», благодаря которому «страх, этот неотступный гонитель, удваивал силы Дантеса». Юный Кириск повел себя точно так же: он живо отреагировал на появившуюся птицу, о которой ему поведал Орган, и по ее полету стал выверять свой путь к спасению.

Повесть Ч. Айтматова ценна тем, что заставляет нас пристально взглянуть в свою жизнь и вспомнить те ее эпизоды, когда отчаяние вставало преградой на нашем пути: нам казалось, что из-за тех или иных проблем перед нами разверзается непреодолимая пропасть. Отчаяние порождало в нас безысходность, переходящую в бездействие и, наконец, в уныние и неверие ни в какой результат. В итоге наша жизнь превращалась в пустое времяпрепровождение от рассвета до заката. Поэтому Всевышний призывает свои создания не находиться «в числе тех, кто отчаивается», ибо «отчаиваются в милости Господа только люди неверующие». Следовательно, нужно действовать в любых ситуациях. И уповать на Аллаха, но без жалоб и сетований на неудачи, а всеми силами пытаться найти выход из любого жизненного тупика.

Здесь вспоминается прекрасное стихотворение Габдуллы Тукая о мышке, которая, попав в чашу с молоком, почувствовала, что тонет. Но мышка оказалась шустрой и сообразительной – она не бездействовала и это ее спасло:

*Нельзя бездействовать в беде! И мышка, правилу верна,
Плывет и вдоль, и поперёк, – спаслись надеется она.
Не пропадают зря труды... Вот легче, вот совсем легко.
Так долго плавала она, что в масло сбилось молоко.
Теперь, на масло опершись, она встает, а там, глядишь,
Из чаши выпрыгнула вмиг – и убежала в норку мышь.*

Мораль стихотворения Г. Тукая такова:

*О мой родной! Ты хоть в воде, хоть в молоке ты утопай,
Будь терпелив, настойчив, смел – отчаянью не уступай!*

И разве не проявил активность Кириск, вспомнив секреты полета птицы? Возможно, кому-то покажется, что в сюжете повести «Пегий пес, бегущий краем моря» содержится намек на бессилие человека перед силами стихии, на непревзойденную мощь первозданной природы, в которой мы подобны песчинкам. Но это не так, ибо герои повести доказали совсем обратное – силу человека, проявляющуюся в его ответственности за судьбы братьев, способности мыслить, принимать решения и идти на самопожертвование. Эта сила мгновенно передалась от взрослых мальчишке, вряд ли думавшем о том, что настанет событие, которое перевернет его жизнь.

От отчаяния к надежде

Нельзя не заметить, что тема отчаяния и надежды по-особому подана Ч. Айтматовым. Чтобы разобраться в этом, а заодно и

в очередной раз убедиться в силе писательского и философского таланта Ч. Айтматова, мы продолжим рассматривать феномен отчаяния с позиций нашей жизни. Мы видим, что на примере судьбы Кириска, вернее, его превращения из ребенка в мужчину, Ч. Айтматов показал, что путь от отчаяния к надежде вполне реален, хотя для его преодоления требуется одно условие – деятельное, а не безучастное, отношение к происходящему. Хотя терний на этом пути все равно не избежать.

В условиях глобального финансово-экономического кризиса часто приходится слышать признания людей, до недавнего времени считавших себя успешными, что у них либо «опустились руки», либо исчезли какие-либо радужные «перспективы» или «надежды». Одним словом, в обществе укоренились «упаднические» настроения, приводящие к убежденности в невозможности изменить положение к лучшему. Это и есть проявление отчаяния, и данное понятие часто используется людьми для обозначения их нынешнего состояния.

Под отчаянием понимается уныние, упадок духа, безнадежность. Известный датский философ XIX века Сёрен Кьеркегор считал, что отчаяние – это то, что подрывает «нечто крепкое, неуничтожимое» в человеке – его собственное «Я». Поэтому причину отчаяния С. Кьеркегор видел в утере человеком самого себя, после чего тот ощущает внутри себя «ужасную пустоту», вызванную «определённым событием, ввергающим его в отчаяние». Наверное, так оно и есть. Но разве не говорил Всевышний, призывая не терять «надежды на милость Аллаха», что «отчаиваются» в ней «только люди неверующие»?

Пастор Второй Конгрегационной церкви в Портленде, США (конец XVIII – начало XIX века) Эдвард Пейсон назвал неразумным «отчаиваться в милосердии Божиим» до тех пор, пока у нас «есть время и возможность обрести его». А согласно утверждению одного из героев пьесы «Мухи» знаменитого французского писателя, философа-экзистенциалиста XX века Жана-Поля Сартра, «настоящая человеческая жизнь начинается по ту сторону отчаяния». Каждый может понимать отчаяние по-своему, но мысль Сартра можно рассматривать с точки зрения предоставленного человеку права выбора: собирается ли он что-то делать, чтобы отчаяние прошло, или смирится с таким состоянием.

Отчаяние можно определить и как исходное состояние перед поиском необходимого решения. И если такое состояние человеку не комфортно и не привычно, оно может поспособствовать реанимации утраченных им сил: он попытается взять верх над отчаянием, то есть преодолеть себя, и тогда на смену унынию постепенно придет надежда, а вместе с ней и уверенность. Но может быть и так, что человек просто-напросто устал от неоднократных, но безрезультатных усилий, что формирует в нем неуверенность в правильности избранного им жизненного пути.

Здесь стоит привести слова датско-американского журналиста, фотографа Якоба Августа Рииса (конец XIX – начало XX века): «Когда начинает казаться, что уже ничто не может помочь, я иду смотреть, как каменотес наносит сотню ударов по камню, но трещина на нем не появляется. Лишь после сто первой попытки камень разделяется пополам. Однако я понимаю, что этому поспособствовал не заключительный взмах резака, а весь предшествующий труд». А кому-то сказанное напомнит

известную поговорку «под лежащий камень вода не течет», призывающую к действию, ибо для получения хотя бы минимально необходимого результата нужно по меньшей мере не прекращать движение к намеченной цели.

В связи с рассматриваемой темой можно привести эпизод из книги «Не измени себе» выдающегося советского прыгуна в высоту, олимпийского чемпиона 1964 года Валерия Брумеля. Он вспоминает, как один из тренеров легкоатлетов провел эксперимент на обычные приседания, суть которого заключалась в психологическом воздействии. Тренер задал подопечному, присевшему около семисот раз, вопрос, по какой причине тот завершил упражнения. Спортсмен сослался на «свинец» в ногах, круги перед глазами и даже страх смерти в случае еще одного приседания. Однако тренер в течение двух недель убеждал воспитанника в способности человеческой мышцы к неограниченной работе. «Преодолеть себя нужно только однажды, – сказал он, – потом сразу станет легче». В результате легкоатлет не дотянул до пяти тысяч приседаний всего пару сотен попыток. В. Брумель пишет, что этот эпизод заставил его задуматься над тем, а существует ли вообще предел человеческих возможностей.

Кому-то такой пример покажется в данном случае некорректным. Но так ли все однозначно? Отметим, что сам В. Брумель на пике своей спортивной карьеры попал в аварию, приведшую к тяжелейшему перелому ноги. Перенес 29 операций, он начал ходить лишь после лечения у ставшего после этого случая знаменитым хирурга-ортопеда Гавриила Илизарова³. Спустя некоторое время В. Брумель вновь вернулся в большой спорт.

³ Выходца из Губинского района Азербайджана. – прим. авт.

Выдающийся поэт XV–XVI вв. Алишер Навои написал такие строчки:

*Одолеет преграды душевная сила,
Если спесь и гордыню в себе подавила.
Чтобы все одолеть, кроме силы духовной,
В самой сути прозри смысл ее безусловный!*

Возможно, что эти прекрасные стихи были навеяны поэту словами Корана «за каждой тягостью наступает облегчение». Ведь искренне верующим Аллах создает выход из положения, наделяя его «уделом оттуда, откуда он даже не предполагает».

Неслучайно уже упомянутый нами Эдмон Дантес, переосмысливая свой жизненный путь, в последнем абзаце прощального письма Максимилиану Моррелю написал: «Пока не настанет день, когда Господь отдернет пред человеком завесу будущего, вся человеческая мудрость будет заключена в двух словах: ждать и надеяться».

ОТКУДА В ЧЕЛОВЕКЕ ВНУТРЕННЯЯ СИЛА ИЛИ ЧТО ЕСТЬ СЧАСТЬЕ

Тема Иова и небольшое отвлечение на Герберта Уэллса

Каждое произведение Ч. Айтматова уникально оттого, что оно выстрадано жизнью с ее сомнениями и переживаниями, болью и надеждой. Но у писателя есть одна особенная повесть «Материнское поле», которую он посвятил своей маме.

Героиня повести Толгонай – уверенная в себе женщина-мать, а еще супруга и свекровь, для которой невестка стала любимой дочерью. Хотя всю свою жизнь Толгонай посвящает заботе о семье, пытаясь сделать жизнь ее членов счастливой, она ни на шаг не отстает от мужа на поприще трудовой деятельности вне дома. Но жизнь непредсказуема, и Вторая мировая война уносит ее четырех красавцев – мужа и трех прекрасных, талантливых сыновей, не возвращая их супруге и матери.

Несмотря на обрушившееся несчастье, Толгонай не ропщет, а становится сильнее, крепче, мудрее, и продолжает не просто жить дальше, но и двигаться вперед. Ч. Айтматов мастерски изображает образ сильной женщины, но у читателя могут возникнуть вопросы. Почему жизнь так жестоко обошлась с матерью, не оставив ей хотя бы одного живого сына? Провинилась ли она в чем-то перед Богом?

Ч. Айтматова всегда волновал вопрос счастья человека, его истоков и жизненных испытаний на пути к нему. Общеизвестно отношение писателя к Библии и Корану, которые он постоянно читал, знал их важнейшие положения, неоднократно возвращался

к ним. Он нередко обращался к библейскому (да и кораническому) образу Иова (Айюба в исламе) и даже использовал стихи из библейской Книги Иова как эпиграф к своей повести «Ранние журавли». Возможно, трагическая история этого пророка, показывающая внутреннюю силу человека, звучит в подтексте повести «Материнское поле». Чтобы понять, о чем идет речь, давайте хотя бы вкратце вспомним ее.

Согласно Библии, Иов, «человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла», отец десяти детей, владелец большого имения, был «знаменитее всех сынов Востока». В один из дней Сатана сказал Господу: «Разве даром богобоязнен Иов? Если он лишится своего богатства, благословит ли он Тебя?» В ответ на это Всевышний позволил Сатане подвергнуть Иова тяжелейшим испытаниям, и на него навалилась целая куча бед, включая потерю детей и богатства. «Ужасы Божии ополчились против меня», – произносит он. Иова терзают сомнения и вопросы: за что все это и почему отвергающие Бога живут спокойно, а праведники страдают?

Наконец, Творец обращается к Иову, напоминая, что никому не ведомы пути Господни. И праведник признает, что в минуты слабости говорил о том, «чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал». Бог «принял лице Иова» и дал ему «вдвое больше того, что он имел прежде». У него вновь появилось десять детей; он обрел много скота, исцелился от болезни, после чего жил еще «сто сорок лет», видя своих потомков «до четвертого рода». Скончался он в глубокой старости, «насыщенный днями».

Согласно Корану, пророк Иов (Айюб) был терпеливым и «всегда обращался к Аллаху». Лишь после нескольких лет тяжелых испытаний он воззвал к Всевышнему: «Шайтан причинил мне вред и мучения», после чего «Мы даровали ему его семью и еще столько же вместе с ними по Нашей милости и как напоминание для обладающих разумом».

Тема несчастий Иова неоднократно использовалась в литературе, в частности в романе «Братья Карамазовы» Федора Достоевского и новелле Герберта Уэллса «Негасимый огонь: роман о побежденном дьяволе». Сюжет новеллы весьма необычен: в прологе Г. Уэллс изображает беседу Создателя с Сатаной в собственной интерпретации, а уже далее следует художественное повествование на современную писателю тему, где на первый план выходят рассуждения о наболевшем.

Согласно Уэллсу, Сатана («средоточие проворства»), твердо верящий, что является «необходимым приложением к Богу», всегда «присутствует повсюду из-за своей бесконечной активности». А Всевышний «создает доску, фигуры и правила», имея возможность «сделать столько ходов, сколько пожелает, и там, где пожелает». Ну а Сатане «дозволено вносить в каждый ход легкие, необъяснимые отклонения», для «коррекции» которых требуются новые шаги со стороны Всевышнего. Сатана вальяжный и невероятно уверенный в себе даже во время беседы с Творцом. Признаваясь в своем желании постоянно мутить воду и влиять на «порядок вещей», он именуется «дух жизни», ибо сделал «мирянина» из творения Бога. Однако он не вполне уверен, проиграл он или выиграл, поскольку «Иов жив до сих пор».

Более того, «весь земной мир теперь – это Иов».

Но почему среди множества библейских персонажей для подобной беседы Г. Уэллс выбирает именно пророка Иова? Сатана в трактовке Г. Уэллса считает, что если все на земле Иовы, тогда жизнь человека можно назвать одним словом – «распад». Сатана убежден, что это он довел людей «до такого жалкого состояния, до какого только мог», и предлагает Господу сначала подарить человеку «короткое время солнечного света и изобилия», а потом насладиться на людей космическую эпидемию, чтобы их всех сразу безболезненно убить. На что Всевышний отвечает, что не кто иной, как человек, «будет властвовать над звездами, ибо на нем есть дух Мой». Тогда Сатана просит Бога дать ему «власть хоть немного придавить и сокрушить» человека, который, «провизжав несколько фраз о вере и надежде», начнет «скулить и падет духом», а «его мужество лопнет, словно гнилой шнурок». На что Творец спокойно отвечает: «Ты можешь делать с ним все, что захочешь, только не должен умерщвлять его. Ибо на нем есть дух мой». Сатана же уверен, что человек «отбросит» этот дух «по собственному желанию – когда я разрушу его надежды» и «пыткою наполню жилы его».

Напоминая, что Сатана не более чем «инструмент» Его, Всевышний позволяет ему испытать человека «до высшего предела», дабы проверить, «действительно ли он не более чем ничтожный всплеск среди слизи, колебание ила, не означающее ровным счетом ничего». Получив дозволение от Бога, Сатана продолжил «внимательно и упорно всматриваться в мир людей», выбрав для начала директора солидной британской школы Иова Хаса (имя

герою дано неслучайно). Тот внезапно сталкивается с чередой напастей в личной жизни и на работе, сваливается от тяжелейшей болезни, получив вести о смерти сына на полях Первой мировой войны.

Так что или кто стоит за подобным злом? Почему события протекают так, а не иначе? И в чем смысл жизни, если праведные поступки все равно не спасают от бед и напастей? Г. Уэллс задумывается над этим и вкладывает свои рассуждения в уста своих персонажей. «Если Бог есть наверху и в системе вещей, – говорит Хас, обращаясь к поддерживающим его друзьям, – тогда не только вы и я и мой погибший сын, а и раздавленная лягушка, и разоренный муравейник имеют значение. На этом настаивает тот Бог, что находится в моем сердце». Хас не желает принимать мрачную реальность жизни, рассматривая смерть как способ избавления от всех страданий и несправедливостей. «Какая бы глупость или зверство ни творились здесь, вам придется приноравливать к этому идею Бога. Иначе не будет никакого универсального Бога, а только холодное, пустое, жестокое равнодушие... Я не смог бы жить в мире с таким Богом, если бы мне пришлось».

Хас не считает себя неверующим или разочаровавшимся в Боге, Который, наоборот, «побуждает меня к борьбе, без всякой поддержки, не обещая наград». И пусть Всевышний «в моем сердце вовсе не сын никакого небесного отца, а мятежный Прометей, это не колеблет мою веру в то, что он – тот Властелин, ради которого я живу и умру». Приняв тяжелейшие удары, способные иной раз надорвать и сломить, господин Хас, не переставая верить в справедливость и поддержку Бога, не опускает руки

и не прекращает борьбу. Для английского писателя он «Иов нашего времени». В конце концов Хас остается на должности директора школы, сложнейшая хирургическая операция проходит успешно, а главное – он получает телеграмму от сына, который оказывается живым в плену.

Внутренняя сила Толгонай

В отличие от Достоевского в романе «Братья Карамазовы» и Герберта Уэллса в новелле «Неугасимый огонь...», задающихся вопросами о причинах происхождения зла для человека, Ч. Айтматов этого не делает, а лишь показывает силу духа личности (Женщины!) на фоне свалившихся на нее несчастий. Его Толгонай не задается внутренними вопросами, а лишь воспринимает жизнь такой, какая она есть. И, продолжая жить в одном доме с невесткой, всю себя отдает труду, неустанно идет вперед. Трагедия поглощает ее, но она не ломается.

О дальнейшей жизни Толгонай Ч. Айтматов повествует размеренно, спокойно и как бы отстраненно. Но это только на первый взгляд – мы знаем, что он живет жизнью своих героев, а мы становимся не просто молчаливыми свидетелями непростого жизненного пути его героини, а влюбляемся в эту сильную и несломленную Женщину, которая никогда не жалуется, не причитает и не ропщет, даже когда ее жизни угрожает преступник. Она, казалось бы, выплакала все свои слезы, но они продолжают литься невидимыми струйками, когда она остается наедине. Пока не начинает радоваться подарку этой жизни: у нее появляется внук, хотя и не кровный, но такой родной для нее и близкий.

Откуда же черпает силы эта женщина – и хрупкая, и крепкая одновременно? Ч. Айтматов не передает ее беседы ни с Богом, ни с кем-либо другим, кроме невестки. Поэтому читатель, следя за дальнейшими перипетиями жизни Толгонай, может сам прийти к каким-то выводам. И как раз этого от нас желает Ч. Айтматов.

В связи с Толгонай нам вновь вспоминается образ пророка Иова, которому Создатель после всех его мытарств и сомнений дал больше, чем тот когда-либо имел. Толгонай достался лишь один внук, но такой дорогой и особенный. И мы понимаем, что дело не в количестве внуков, а том, что с Толгонай будет жить новый человек, который принесет ей новую надежду на счастье, и ее жизнь приобретет новый смысл. И все это благодаря бесценным чертам характера Толгонай – терпению и выносливости, которые помогли ей не только с честью выдержать удары судьбы, но и вновь ощутить себя счастливой.

Ч. Айтматов сумел бесподобно донести до нас эту картину заново обретенного человеческого счастья. Писатель осторожно и деликатно дал нам понять, что все несчастья и счастливые мгновения, способные поглотить человека, не просто где-то поблизости, а совсем рядом с нами – буквально в одном шаге.

Ч. Айтманов воздвиг Толгонай на высочайший пьедестал, исполнив свой долг писателя по отношению к женщинам, выстоявшим в эпоху лихолетья. Писатель как-то сказал, что будь он скульптором или художником, он посвятил бы жизнь созданию образа женщины военных лет, в котором «попытался бы выразить в едином порыве все свои чувства благодарности, восхищения, гордости и сострадания к ней, к этой великой фигуре двадцатого века».

Что есть счастье

Устами Толгонай Ч. Айтматов высказывает мысль о том, что «настоящее, неподдельное счастье, как я понимаю, это не случай, оно не обрушивается вдруг на голову, будто ливень в летний день, а приходит к человеку исподволь, смотря как он к жизни относится, к людям вокруг себя; по крупице, по частице собирается, одно другое дополняет, получается то, что мы называем счастьем». Вопрос о счастье был для Ч. Айтматова не только ключевым, но и вечно открытым, и он всю свою творческую жизнь беседовал о нем с самим собой и – через произведения – с читателем. Как и любого серьезного мыслителя, его волновал вопрос счастливого общества, где человек не может себя чувствовать полностью счастливым, если несчастлив кто-то другой.

В эпосе «Манас», являющемся историко-литературным памятником кыргызского народа, понятие «счастье» не определено, но предпосылки счастливой жизни четко указаны – они включают мирную и неприкосновенную жизнь женщин (и простого народа). Вот отрывок из него:

*Манас войска свои собрал
И всем строжайше приказал,
Чтоб женщины и простой народ
Никто из них не обижал,
И чтоб иголки чужой
Никто из воинов не брал.
Кто будет учинять грабеж,
Того с секирой плаха ждет...*

*Теперь вы можете, друзья,
Назначить хана своего!
Прошу я только одного:
Чтоб свой народ берег, любил,
Чтоб с нами искренне дружил,
Родился и детей растил.
Мы связаны одной судьбой,
А враг у нас совсем другой! –
Сказал народу хан Манас.
Народ от счастья ликовал.*

Ч. Айтматов восхищался эпосом «Манас» и знал его от начала до конца, а отраженные в нем представления о счастье были близки его собственным. Так, в повести «Джамиля» упомянут неизменный атрибут женского счастья – это «детей рожать да чтобы в доме достаток был», но только с одним условием – счастье «живет у того, кто честь и совесть свою бережет». В повести «Ранние журавли» писатель отмечает, что «когда счастье есть, о нем не думают», а чувствуют, насколько «мир устроен так, как лучше не может быть». А в повести «Белый пароход» Ч. Айтматов ведет речь о счастье в более общем смысле: «Как просто вдруг стать счастливым и принести счастье другому! Вот так бы и жить всегда». Тема счастья красной нитью проходит через все книги писателя, хотя само это слово может и не произноситься. Но о счастливой жизни мечтают все его герои – и люди, и животные. Если оно им и достается, то нелегко и ненадолго, их жизнь подобна чересполосице – светлые времена в ней сменяются

темными и наоборот. А в «Белом пароходе» Ч. Айтматов откровенно говорит, что жизнь – это далеко не то, чего нам хотелось бы, подтверждая сказанное фразой «рядом со счастьем постоянно подстерегает, вламывается в душу, в жизнь несчастье, неотлучно следующее за тобой, извечное, неотступное». Мысль о реальности счастья не покидает писателя – он раздумывает о том, что есть счастье, как его достичь и затем не утратить, и призывает к этому же нас.

Но неужели для обретения счастья люди должны постоянно преодолевать какие-то препоны? Это извечный вопрос, поднятый с незапамятных времен в народном творчестве: во многих сказках мы читаем о путнике, оказавшемся на развилке с тремя дорогами. И по какой из них он бы ни двигался дальше, на двух первых он что-то приобретет, но и что-то потеряет, и лишь третья точно приведет его к счастью, да и то не сразу – она тоже окажется тернистой.

Племянница Ч. Айтматова Джамия определяет счастье как феномен, «который приходит не извне, а изначально живет в душе». В таком случае даже «самое маленькое событие может сделать человека счастливым». А если «счастья в душе у человека нет, то хоть что с ним случится: подарок ли самый дорогой получит, присудят ли ему Нобелевскую премию или назначат президентом Земного шара, счастья этому человеку не прибавит». Такой человек испытает лишь «временное удовлетворение». Правда, можно «радоваться даже самым незначительным вещам, и поскольку их достаточно много случается каждый день, то подпитка» счастливого состояния обеспечена.

Так может ли кто «измерить» пространство счастья в каких-либо конкретных величинах? Вопрос риторический. Энциклопедические словари в понятие «счастье» вкладывают психологическое состояние, при котором человек испытывает внутреннюю удовлетворенность условиями своего бытия; полноту и осмысленность жизни; осуществление своего назначения. Звучит красиво, но понимания счастья не прибавляет.

Можно определить счастье как положительные эмоции, вызываемые тем или иным действием в определенный момент времени и имеющие разную длительность. Тогда под счастьем следует понимать совокупность положительных эмоций человека за сутки, неделю, год и т. д. И чем больше таких эмоций и чем они длительнее, тем больше вероятность появления чувства полного счастья даже несмотря на проблемы и неурядицы. Как бы то ни было, счастье подразумевает определенное состояние души в тот или иной момент (период) времени с учетом индивидуальных потребностей и характера человека. Одни ощущают себя счастливым в конкретное время года, вторые – от приобретения «детской мечты», третьи – от успехов в спортивных состязаниях или на конкурсе и т. д. Но и такой подход не даст нам четкого определения понятия «счастье» ввиду его чисто субъективного характера.

Если даже мельком взглянуть на сегодняшние дискуссии о счастье в Интернете в женском сообществе, можно тут же почувствовать, что для многих женщин оно связано с их зависимостью. А последняя нередко отождествляется с самодостаточностью, которая ассоциируется у женщин с престижной

должностью, материальной обеспеченностью, внешними данными, здоровьем. Что на поверку оказывается мечтой о независимости от мужчин.

Нельзя не признать, что современные мужчины нередко представляются женщинам слабыми, что обесценивает такое их качество, как надежность, всегда являвшееся для женщины приоритетом, а это формирует у нее желание самостоятельно создавать себе комфортную жизнь. В то же время элементы комфорта без мужчин в нашей жизни легко доступны: социальные сети, книги, СМИ, кино, музыка, клубы и тому подобное. Но комфорт – это еще не счастье, и вопрос о нем, которому посвятил свое творчество Ч. Айтматов, так и остается открытым.

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ЖЕНЩИНА И ЛЮБОВЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Ч. Айтматов многогранен и всеобъемлющ, ибо в своих произведениях он не просто пишет о важнейших общечеловеческих проблемах, но и призывает читателей размышлять над происходящим вокруг. Поэтому совсем не случайно во всех произведениях писателя исключительное по важности место отводится его величеству Женщине.

Гендерный аспект стал предметом широких дискуссий и законодательных решений лишь в последние десятилетия, но для Ч. Айтматова тема женщины и ее роли в семье и обществе всегда была одной из основных. Писатель показал, что женщина – «всему голова»: благодаря разуму, помноженному на терпение, выносливость, сдержанность, осторожность, такт, внутреннее чутье, обеспечивающим спокойную и размеренную работу ее мыслей, она способна принимать верные решения.

Образ женщины красной проходит через повести, романы, рассказы Ч. Айтматова. И это не дань литературной моде, а влияние культурно-духовных традиций кыргызского народа и исторической памяти. Анализируя эпос «Манас», Ч. Айтматов писал, что «земной гуманизм эпоса, его нравственные уроки легко ощутимы в столь колоритно обрисованном прекрасном образе Женщины» (с заглавной буквы!). И даже если рассматривать этот образ сквозь призму нынешних эстетических представлений, станет ясно, что «Женщина в эпосе – это не просто деятельная мастерица, умелица на все руки, но прежде всего она –

самостоятельный индивид, личность, имеющая свои взгляды на мир. Она – равноправная спутница бойца, воина, умная советчица и подруга его жизни, не уступающая ему в силе, подвигах и доблестях». В «Манасе» представлено «много женщин, каждая из которых – своеобразный тип, с присущими только ей нравом и характером. Во всей красе и полноте описываются их рукодельные ремесла, изготавливаемые ими чудесные и чудодейственные изделия, начиная с вышивок и узоров, кончая внешним обликом, грацией». Здесь явно видны истоки столь трепетного отношения Ч. Айтматова к женщине. Но этот эпос является для нас и ярким примером литературно-исторического памятника тюркского мира, содержащего элементы древней и самобытной религии тюрок, – тенгрианства.

«Большая надпись» (из так называемых орхонских рунических текстов) в эпитафии политическому и военному деятелю Второго тюркского каганата Кюль-тегину (VII–VIII вв.) гласит, что «когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (или: возникли) сыны человеческие (т. е. люди)». Древние тюрки считали, что Вселенной правят Тенгри-хан – верховное божество, а также божества Йер-суб, Земля, Вода, Огонь, Солнце и другие. Тенгри-хан, иногда вкупе с Йер (Землей) и другими духами, вершил земные дела и прежде всего «распределял сроки жизни». Земля и Тенгри воспринимались как две стороны одного начала, не враждебные, а взаимодополняющие. Человек рождался и жил на земле. Земля – среда обитания человека, поглощающая его после смерти. Но Земля даровала человеку

только материальную оболочку, а чтобы он созидал и этим отличался от других ее обитателей, Тенгри посылал на Землю к женщине, будущей матери, «кут-сюр» (духовность, нравственность).

Как видим, женщина здесь символизирует духовное начало человеческого сообщества. А для Ч. Айтматова этот собирательный образ еще и обретает конкретные черты его матери Нагмы Абдувалиевой. Ч. Айтматов знал о ее жизни с конца 1920-х годов, когда она, как сообщают исторические источники, смело выступила против калыма, многоженства, ранних браков и в то же время помогала женщинам получить доступ до земли и воды.

Каждый женский образ у Ч. Айтматова неповторим. И даже картину из жизни животного мира писатель блестяще передал через семейство красавицы-волчицы Акбары, которая во всем играет главенствующую роль. Женщины у Айтматова – это героини своей эпохи, сильные личности, которые не плывут по течению реки жизни, а сами определяют его направление и русло. Ими движет не эгоизм или желание самоутвердиться, а понимание того, что их голос многое решает. Им совершенно не чужды смех, юмор, улыбка, веселье, радость – они открыты миру и стремятся, чтобы мир им ответил тем же.

Следует отметить, что женский вопрос столь же стар, как и цивилизация. Выразителем взгляда на женщину в античную эпоху можно считать древнегреческого философа Аристотеля, по словам которого, мужчина, будучи по «своей природе выше» женщины, «властвует» над ней, остающейся «в подчинении». Такой принцип «неминуемо должен господствовать во всем человечестве», и хотя женщине свойственна «способность решать»,

однако такая способность «лишена действенности». Ч. Айтматову же значительно ближе подход известного философа, публициста, культуролога XX века Елены Рерих: говоря в 1930 г. о стремлении женщины «к своему законному праву или к уравновесию Начал», она подчеркивала, что женщине необходимо заботиться о сохранности всей красоты «женского облика», «мягкости сердца, тонкости чувств, самопожертвования и мужества терпения». По мнению автора, именно такой образ Женщины создал Ч. Айтматов. Его героини многогранны и многоцветны: они подобны яркой радуге, но только с гораздо бóльшим числом оттенков.

Общеизвестно, что в женщину вложен «ген» заботы – о семье, друзьях, приятелях, животных и прочих созданиях. Чувство собственной необходимости – это ее предназначение. Но она желает и отдачи – не в меркантильном, а в нравственно-духовном смысле. Чувствуя понимание и любовь, она расцветает на глазах, а если она еще и видит, что востребована окружающими, к примеру, причастна к успехам любимых ею людей, тогда ее бескорыстие не знает пределов.

Ч. Айтматов прекрасно раскрывал тонкости женского характера, а лучший сюжет для этого – отношения между мужчиной и женщиной. Заметим, что они строятся у писателя в основном на взаимной любви, которая может родиться как в одночасье, так и со временем. Ч. Айтматов не дает нам рецептов любви, но ею пронизаны его произведения, ибо в его внутреннем восприятии жизни «язык любви вечен».

«Без любви нет жизни, – как-то сказал Ч. Айтматов, – пол-

ностью описать чувство любви невозможно, это бесконечная, бескрайняя тема. Все великие дела в мире посвящены любви. И человек, и Вселенная порождены Любовью, Любовь – это сама вечность!» Поэтому сюжетные линии в книгах писателя обязательно сопровождаются любовью. Ч. Айтматову было прекрасно знакомо это чувство – он познал его сам. Любовь для него – движущая сила жизни, устремляющая людей вперед и вдохновляющая их на любые свершения. Женщина в любви – это не просто «подспорье» для мужчины и даже не обычный партнер или товарищ по жизни, а надежный тыл, крепкая опора и источник мудрых решений. У писателя разные героини, но всех их объединяет внутренняя сила, смелость, чистота помыслов. Их цель – не просто угождать мужчине, потому что «так принято», а выполнять женские обязанности во имя счастья семьи.

Свобода личности или право выбора в любви

В повести «Джамиля» Ч. Айтматов показал рождение любви, которая всегда осуждалась, – замужняя женщина, преданная супругу и соблюдающая общепринятые нормы и традиции, внезапно влюбляется в другого мужчину, отвечающего взаимностью. Хотя в случае с Джамилей было «смягчающее» обстоятельство – физическое отсутствие ее супруга, однако оно же и «отягчало» ее положение, поскольку муж находился не где-нибудь, а на фронте. И даже при этом многие рецензенты повести «Джамиля» убеждены, что в ней по-новому раскрылась сила и смелость Ч. Айтматова, ибо он не побоялся отойти от идеологической «сетки» советской системы с точки зрения недопустимо-

сти «запретной» любви, отважившись описать картину любви, не укладывающейся в традиционную схему официальных взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Выдающуюся роль в популяризации повести «Джамиля» среди иностранных читателей сыграла русско-французская писательница и переводчица Эльза Триоле, представившая ее парижанам на страницах газет как произведение «о степных Ромео и Джульетте», а ее супруг, знаменитый французский поэт и прозаик, член Гонкуровской академии Луи Арагон, назвал повесть «самой красивой историей любви в мире».

Ч. Айтматов знал жизнь и всегда писал ее правдиво, как было принято говорить в его время. В этой повести он показал, что правда жизни иногда противоречит общественным устоям. Но писатель остался верен себе как художник, философ и просто гражданин – он продолжил воспевать любовь, не одобряя и не осуждая происходящее, а лишь показывая, какой она может быть. Его не останавливает то, что абсолютному большинству читателей поступок его героев Джамили и Данияра покажется неприемлемым по соображениям нравственности, но Ч. Айтматов не морализатор, а художник – он лишь изображает картину событий и ему дороги его герои.

Прежде всего он рисует портрет Джамили – «неутомимая, сноровистая», трудившаяся «напористо, с мужской хваткой». С соседками «ладить умела, но если ее понапрасну задевали, никому не уступала в ругани, и бывали случаи, что и за волосы кое-кого таскала». При всем уважении к старшим она «слушалась их, но никогда не склоняла перед ними голову, зато и не язвила

шепотком, отвернувшись в сторону, как другие молодухи», открыто говоря «то, что думала, и не боялась высказывать свои суждения». Ее свекровь видела в «прямодушии и справедливости» невестки «равного себе человека», втайне мечтая «когда-нибудь поставить ее на свое место, сделать ее такой же властной хозяйкой, такой же байбиче, хранительницей семейного очага». Хотя «кое-что в Джамиле все-таки смущало» свекровь: «уж слишком откровенно была она весела, точно дитя малое. Порой, казалось бы, совсем беспричинно начинала смеяться, да еще так громко, радостно». А «еще любила Джамиля петь, она постоянно напевала что-нибудь, не стесняясь старших». И «все это, конечно, не вязалось с устоявшимися в айле представлениями о поведении невестки в семье». Правда, свекровь успокаивала себя тем, что «со временем Джамиля остепенится: ведь в молодости все, мол, они такие».

И вот в жизни Джамили происходят разительные перемены: «Она мучительно хотела и в то же время мучительно не хотела признаться себе, что влюблена во фронтовика Данияра, вернувшегося после получения ранения». И, как это представилось юному брату супруга Джамили, они оба «были новые, невиданно счастливые люди. Разве это не было счастьем?» Сначала Джамиля и Данияр не признаются друг другу в чувствах, но глаза их говорят сами за себя. И Джамиля решает не таиться и не вести двойную жизнь – она честна в своем «преступном» чувстве и вскоре признается Данияру: «Я давно любила тебя. И когда не знала – любила и ждала тебя, и ты пришел, будто знал, что я тебя жду!» Он отвечает ей тем же: «Я ведь тоже давно люблю тебя, я

мечтал о тебе в окопах, я знал, что моя любовь на родине, это ты, моя Джамиля!» Не дождавшись мужа, Джамиля уходит из села с Данияром под пересуды односельчан и осуждения, прежде всего со стороны женщин. Но их голоса – это не призыв самого Ч. Айтматова к читателю, дабы тот осудил (или оправдал) Джамилю: возмущенные женщины – лишь часть правдивой картины жизни, запечатленной писателем.

Здесь можно привести аналогию с романом прекрасного азербайджанского писателя Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома». Так же, как и Ч. Айтматов, Анар всегда писал правду жизни, и этот роман, как и Ч. Айтматов «Джамилю», он посвятил вечной теме любви. Не той любви, которая одобрялась советской идеологией «социалистического реализма», а любви «запретной», отвергаемой не только коммунистической системой, но и всяким разумным обществом. Любви, в которой один из любящих не свободен от супружеских уз.

Главная героиня романа Тахмина не прислушивается к пересудам и осуждениям со стороны тех, кто сам готов на все, лишь бы оно оставалось в тайне. Сила и чистота Тахмины в том, что даже оказываясь выше обстоятельств она не переходит некую грань, утверждая, что «у человека должна быть своя мораль и ответственность перед ней». Эта грань для Тахмины четко определена: хотя ей тесно в рамках общепринятых условностей, она не желает вкушать от жизни «запретный плод».

Тахмина честна – перед собой, своей любовью к Зауру (отвечающему ей взаимностью) и обществом, уже «закрававшим» ее, поскольку она, будучи формально замужем и понимая,

что скорее всего не станет женой Заура, принимает решение развестись с мужем. Заур для нее – не просто любимый. Тахмина столь высоко ценит свое чувство к нему, что хочет оставаться идеально «чистой», и только таким образом она может осознать себя полностью счастливой. В этом проявляется цельность героини, ее счастье и боль, трепетность и сила. Она спокойно могла бы встречаться с Зауром будучи замужем и ведя двойную жизнь, тем более что ее муж именно так и жил. Тахмину меньше всего волновало чужое мнение, но она не могла окунуться в любовь без оглядки. Пускай она никогда не соединится с Зауром, но ее чувство останется чистым.

Сделав свободный выбор, Тахмина оставляет это право и за Зауром (уже после своего развода): «Я не могу без тебя, но я не имею на тебя никаких прав». Мы видим, что Тахмина, став свободной женщиной, убеждена, что настоящая любовь бывает только взаимной. Чуть позже она скажет: «Ты пришел ко мне по своей воле, можешь уйти так же в любое время». Вспомним, как прошептала айтматовская Джамиля: «Данияр, я пришла, сама пришла». Как же схожи судьбы четверых...

Однако, в отличие от героев повести «Джамиля», судьба Тахмины и Заура не сложилась. Наверное, Заур не смог пройти до конца этот тернистый путь к счастью. Хотя «много-много лет спустя, до глубокой старости, вспоминая счастливые и печальные периоды своей жизни, он всегда помнил, что если у него и были счастливые годы, месяцы, недели, дни, часы и мгновения, то самым счастливым, самым-самым счастливым было мгновение в стеклянной галерее Домодедовского аэропорта: он увидел

ее издали среди встречающих и помахал рукой, и она увидела его среди прилетевших и хотела рвануться к нему, но ее не пустили, и тогда он побежал к ней, и она бросилась ему на шею и сказала самые простые слова: «Какой ты молодчина, что прилетел»».

Так же, как и Ч. Айтматов, Анар изображает перипетии «запретной» любви как сторонний наблюдатель, оставляя читателю пространство для собственных суждений о том, что для кого-то является «изнанкой жизни» или из ряда вон выходящими событиями, которым не место в «привычных рамках» этой жизни.

Возвращаясь к Ч. Айтматову, вспомним его слова, вобравшие в себя трепетное отношение писателя к Женщине и Любви. Признавая, что «жизнь не может замереть и замкнуться на одной точке и даже сохраняя и оберегая традиции, мы не можем обойтись без обновления», он спрашивает: «Если каждая женщина в порыве преуспеть будет лишать себя возможности стать матерью, женой, хозяйкой семьи, то к чему мы придем?» А на прозвучавший как-то в его адрес вопрос об идеале женщины, он по-восточному мудро определив понятие «идеал» как растяжимое, заметил, что существует общепринятое понимание словосочетания «достойная женщина», включающее «ее нравственные человеческие качества, культуру, обаяние, внешность», и добавил: «Джамиля – несколько романтическое восприятие женщины. Сейчас эта Джамиля была бы немного иной». Писатель убежден, что когда мужчина и женщина равноценны в личностных качествах, их усилия помогают достигать цели. Основу же жизни всегда составляют «любовь и те эмоции, которые с ней связаны». Без «таких эмоций, страстей, жизнь человеческая не будет полноценной».

КАКОЕ БУДУЩЕЕ ЖДЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

Мыслящий эмбрион?

Так в чем, все же, величие того или иного писателя? Каждый ответит на этот вопрос по-своему. По мнению автора, величие мыслителей определяется не только тем, что они рассуждают о вечном, но и их умением облечь собственные мысли в доступные для читателя формы. В этом мы в очередной раз убеждаемся, читая роман Ч. Айтматов «Тавро Кассандры» (1994 г.), в котором писатель использовал элементы несвойственного ему жанра фантастики, хотя на фоне последних достижений научно-технического прогресса нынешним читателям он не покажется очень уж фантастическим.

В этом романе два основных героя. Один представляет себя космическим пришельцем («космический монах»), хотя в действительности он сотрудник организации, «выращивающей» искусственного человека, другой ведет себя как обычный земной человек. Правда, к середине романа складывается впечатление, что оба они – одно и то же лицо.

Но дело не в сюжете романа, а в философском восприятии Ч. Айтматовым современной ему эпохи, и поэтому нам не важно, из уст какого героя звучат наболевшие земные вопросы. Прежде всего, Ч. Айтматов отмечает, что «благодаря техническим достижениям, ставшим второй, рукотворной реальностью, человек обнаруживал в себе все новые ресурсы вселенской приспособляемости и достигал божественного могущества». Следовательно, в начале 1990-х годов Ч. Айтматов предсказывает невероятный

взлет технологического прогресса, на фоне которого заветная человеческая цель – приблизиться при жизни к «Божественному могуществу» – отступает на задний план. Поэтому «становилось страшно» от «ощущения роковых круговертей истории, от наступления неукротимых сил, открыто помогающих везде и повсюду власти и только власти».

Космический монах в письме Римскому папе сообщает, что совершил великое научное открытие: «Люди теперь вроде бы сами смогут решать, родиться им на свет или нет». И далее через рассуждения своих героев Ч. Айтматов призывает читателей серьезно задуматься над тем, куда катится мир и мы вместе с ним. Фраза «тавро Кассандры» воскрешает перед нами образ знаменитой пророчицы, предрекавшей гибель Трои, которой, однако, никто не верил. Согласно Айтматову, «кассандро-эмбрион» и есть современный провидец-младенец, устами которого «глаголет истина». Ч. Айтматов спрашивает: «Куда нам деться от гласа кассандро-эмбрионов, говорящих в нас о нас? Открылась бездна, о которой мы не подозревали <...> Чем будем компенсировать утрату незыблемости устройства жизни, унаследованного еще от Адама и Евы?» В этих вопросах звучит озабоченность писателя тем, что своими действиями человек пытается влиять на величественное мироздание, созданное Всевышним во имя счастья людей.

Мастерство Ч. Айтматова блестяще проявляется и в том, что он вариативен: то глас исходит от возрастных героев романа, то от младенцев из утробы матери, что не случайно, поскольку «отныне мы, как бы ни хотели, не сможем закрывать глаза на тот

факт, что эмбрион не безучастен к тому, в какой генетической ойкумене он возникает в качестве будущей личности, то есть каковы мы: мы – жизнеобразующее начало, мы – эпоха, мы – личности». Но если эмбрион «тревожно глядит в перископ своей судьбы», следовательно, «нам самим» нужно «вглядеться в этот перископ кассандро-эмбриона», чтобы определиться: «Не мы ли сами причина сокрушающих нас штормов?»

На основании этого Ч. Айтматов приходит к потрясающему заключению, которое звучит как предостережение для всех мыслящих людей: «Страшусь думать: не есть ли кассандро-эмбрион проявление нашего самоотречения от своей предназначенности в мире? Как же могли мы, по идее богоподобные существа, докатиться до такого состояния? Сколь же надо было “преуспеть” людям, в какого свойства делах и мыслях, чтобы подвести эволюцию к подобным апокалиптическим сдвигам уже на стадии зародыша!» Люди обязаны задуматься о происходящем вокруг или внутри них, понять, в какую бездну они катятся. А его собственный вердикт происходящему неутешителен: своими внутренними эгоистическими устремлениями люди пытаются подменить добродетель души и сердца, предначертанную им Богом.

Единение людей как выход из коллапса бездны

Однако, замечает Ч. Ахматов, причина упадка цивилизации кроется в нас самих, нашем крайнем эгоизме и бездушии. Ведь мы наделены правом и возможностью самим выбирать, двигаться нам по пути добра или зла: «Никому не изменить изначально предпосланных человечеству энергии Добра и наряду с ней и

вопреки ей – энергии Зла. Человеку даны преимущества разума, заключающего в себе неисчерпаемое движение вечности, и, если человек хочет выжить, если он хочет достичь вершин цивилизации, ему необходимо побеждать в себе Зло. Ведь вся жизнь людей протекает в беспрестанных к тому попытках, и в том главное наше предназначение. Однако, мы мало думаем о соотношении добра и зла, неизменно сопрягая их в единой связке». Поэтому Ч. Айтматов уверен, что «нет на Земле никакого иного носителя зла, кроме нас самих, людей».

Здесь стоит провести очередной литературный экскурс и вспомнить слова одного из героев повести Артура Конана Дойла «Страна туманов»: «Так называемый прогресс может в любой момент обернуться страшным бедствием, ибо мы забыли, что единственно возможный прогресс – преуспевать в том, для чего Бог послал нас в этот мир. Подготовиться к будущей жизни». Но чтобы размышлять о последствиях научно-технического прогресса, совсем не обязательно быть человеком религиозным. Например, выдающийся ученый Владимир Вернадский с опаской относился к стремлению его коллег обуздать атомную энергию: «Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?»

В рассматриваемом нами романе Ч. Айтматова экологические и энергетические катастрофы, ядерные испытания, наряду с голодом, болезнями, войнами, экономическими кризисами и тому подобным, составляют череду «невзгод, о которых не может не думать будущая мать». Но самое главное – «все это рукотворно, все это порождено самими людьми. Масштабы бедствий

людских приумножаются из поколения в поколение. И все мы в том соучаствуем. Катится жизнь в злодеяниях. Докатывается до протеста эмбрионов против жизни». Писатель с горечью заключает: «Наше самосознание деформировано по вине самого человека, из поколения в поколение живущего вопреки идеалам Мировой души. Трагедия в том, что мы избегаем, всячески уклоняемся от осознания причин, побуждающих кассандро-эмбрионов к отказу от борьбы за существование. Угасание желания жить есть угасание мировой цивилизации. Это и будет концом света. Иначе говоря, конец света заключен в нас самих». Поэтому «следует бояться не самого тавра Кассандры, а причин, вызывающих в недрах генетики этот эсхатологический сдвиг». Писатель убежден, что выход здесь лишь один: «Только искоренение бед и пороков каждым человеком, начиная с себя, и всеми вместе, всем родом людским, может обновить перспективу жизни. Утопия? Опять утопия?! Нет, это не очередная утопия. Это стезя выживания духа живого, иного пути нет».

Читатель спросит, как именно искоренять все эти беды и пороки, но найдет у Ч. Айтматова не точный технический рецепт, а глубокие философские размышления о «гармонии бытия», причём бытия всеобщего, настоящего планетарного единения, без «гласных и негласных» религиозных барьеров. Устами своих героев писатель сообщает нам, что каждый видит источник вреда за пределами себя и среды своего привычного обитания, которая формируется в том числе предрассудками – сословными, расовыми, духовно-религиозными. Они-то и образуют неприступную стену, удерживая людей физически и духовно внутри тесного, пусть и собственного, «мирка». Но «как обернулась бы жизнь

отдельной личности, как сложились бы судьбы людские, если бы каждый человек на Земле был волен исповедовать в равной мере все религии, если бы дано было человеку обрести повсеместно право ничем не регламентированной, свободной причастности – если он, разумеется, верит в Бога, – ко всем существующим религиям в одинаковой мере и с одинаковым “статусом”, когда бы он был приверженцем не какой-то отдельной конфессии или секты, исключающих все остальные верования, а мог бы быть членом ассамблеи мировых религий и был бы признаваем ими всеми без каких бы то ни было оговорок, когда бы он мог считать себя и христианином, и мусульманином, и буддистом, и иудаистом и прочим в этом ряду верований, и каждой религии – его любовь и уважение, а ему – признание его всеми культурами, и он бы свободно принимал их идеи и нормы, но не сектантские, не изоляционистские, а общерелигиозные?».

Ч. Айтматов убежден, что «тогда не было бы между людьми негласных и гласных барьеров религиозного характера, что особенно важно для смешанных поликонфессиональных обществ в гигантских городах и густонаселенных странах. Может быть, такое положение вещей значительно облегчило бы, гармонизировало бы жизнь человеческую? Религиозная ассамблейность не ослабила бы идею Бога ни в одной из существующих религий, а, напротив, придала бы им свойства универсальности, открытости, динамизма и, самое главное – обнажила бы человеколюбивую основу религий в ее исходной сути, в деяниях, а не только в прекрасных теориях».

Известная российская журналистка Ядвига Юферова с удивлением рассказала, что в Германии, где Ч. Айтматов был

чрезвычайно популярен, «священники приглашали писателя в кирхи и уступали ему место за алтарем. И то, что он говорил, как человечество на рубеже тысячелетий должно избавиться от вековых проблем: войн, политического террора, экологической и нравственной катастрофы, становилось для прихожан самой актуальной проповедью и молитвой». Я. Юферова не могла понять, «почему практичные немцы допустили писателя Айтматова к самому святому месту – алтарю», попыталась разобраться в этом и пришла к такому выводу: «Может, потому, что честно признали: на земле не так уж много “караванчиков совести”, которым есть что сказать другим людям».

А писатель продолжает свои размышления: «Верю, что найдутся мужественные люди, которые не отступят, не кинутся немедленно избавляться от кассандро-эмбрионов; этим людям фатальные сигналы скажут о многом: об ответственности всех и каждого за образ жизни, за судьбу потомков, о том, что предстоит невиданное бремя человека с самим собой», поскольку человек должен как бы заново открыть «себя в себе – кто он есть в прорастающем семени своем, в зарождающемся духе, куда влекут его пороки прежних поколений, переданные по наследству, в какую генетическую тень. Разглядим ли мы себя в том страшном зеркале? Или будем загонять себя все дальше и дальше в угол?» Если «человеку дана некая абсолютная привилегия на обладание разумом, на вселенскую миссию», но он «не в состоянии совершенствоваться, не в состоянии активно осваивать универсум, что от нас требуется и для чего мы и существуем на свете, то, стало быть, мы – паразиты, не оправдывающие своего назначения, никчемные твари».

И все же Ч. Айтматов как всегда оптимистичен. Если нам всем предстоит «гармонизировать, совершенствовать бытие, а сюда включается» все исходящее от нас – «и в помыслах и на практике», тогда высшей целью человечества станет «гармония бытия», достижение которой подразумевает и самоограничение, и борьбу с духовной распущенностью, и, наконец, очищение совести.

Как видим, благодаря не только писательскому, но и философскому гению Ч. Айтматов три десятилетия тому назад четко представлял себе, что ждет нас в нынешний период. Сегодня мы действительно все это переживаем: помимо войн, кризисов и природных бедствий на нашу голову свалились еще и «достижения» – Интернет, чипизация, роботизация, искусственный интеллект и тому подобное. И человеку уже не остается места во всей этой технологической круговерти.

По мнению автора, здесь просматривается своеобразная параллель с рассказом Рэя Брэдбери «Будет ласковый дождь», который еще в 1950 г. попытался описать отдельные контуры сегодняшней жизни.

Человек останется человеком, пока он дышит и мыслит

В этом небольшом рассказе Р. Брэдбери нет ни диалогов, ни монолога. Но по-другому и быть не может, если речь идет об «умном» доме, который внезапно опустел после стихийного бедствия. Автор выступает в роли стороннего наблюдателя-рассказчика, описывая всего лишь несколько часов из жизни опустевшего дома, который странным образом оживает. Дом разговаривает,

но не голосами людей. В нем звучно произносится время, печь выдает горячий завтрак, расставляются приборы на столе, зажигается сигара, идет уборка комнат, в саду бьет фонтан. Но... все это происходит благодаря роботам.

А где живые обитатели дома? Читатель ожидает, что они вот-вот появятся с радостной улыбкой и, позавтракав, отправятся по делам. И они действительно возникают, но лишь как тени тех, кто мгновение назад был еще жив, но уже погиб. Перед нами, как на фото пленке, проявляется коллективный силуэт обычной семьи, запечатленной в последний момент перед катастрофой.

Картина происходящего завораживает еще и оттого, что рассказчик изображает ее без всяких эмоций: мы не чувствуем ни капли его переживаний или сострадания по отношению к погибшим. И вдруг начинаем догадываться, что и рассказчик-наблюдатель тоже робот, который намекает на то, что в «умном» доме еще теплится жизнь. Но домашний пес, неизвестно как оставшийся в живых и почувствовавший, что он один, тоже превращается в силуэт. А тем временем откуда-то с потолка чей-то голос начинает монотонно читать любимое стихотворение хозяйки, строчки которого звучат как пророчество:

*И ни птица, ни ива слезы не прольет,
Если сгинет с Земли человеческий род
И весна... и весна встретит новый рассвет
Не заметив, что нас уже нет.*

Вслед за этим дом поглощает пламя пожара: «Холодильники, кресла, ролики с фильмами, кровати, электрические приборы –

все рухнуло вниз обугленными скелетами. Дым и тишина. Огромные клубы дыма». И наблюдатель замолкает...

Как видим, Р. Брэдбери, как и Ч. Айтматов, предвидел, что технологическая революция, в корне изменившая нашу материальную жизнь, бессильна против стихийных бедствий, которые в одночасье сметут все ее «умные» изобретения. Весьма показательно, что спустя 60 лет после написания этого рассказа, незадолго до своей смерти, Р. Брэдбери высказался в том же духе, что и Ч. Айтматов: «Нам нужно продвигаться в познании Вселенной, а человечество должно сохранить себя. Избавиться от угрозы войны и политических коллизий. Мы должны стать астронавтами, окунувшись во Вселенную, и услышать Бога внутри самих себя».

Возможно, этот краткий рассказ напоминает нам, что и в век глобального технологического бума важно не утратить нравственные качества, составляющие нашу человеческую сущность, — доброту, милосердие, сострадание, терпение.

Надеемся, что читатель поймет, почему мы вспомнили о рассказе Р. Брэдбери. Его тема перекликается с творчеством Ч. Айтматова, который блестяще сумел передать печали, страхи и надежды каждого из нас, живущих в эпоху материального прогресса, но не чувствующих внутреннего комфорта.

Искусственный интеллект или станем ли мы аксолотлями

Сегодня на повестке дня технологический прорыв в области искусственного интеллекта и обработки больших данных (big data), но готовы ли мы правильно воспользоваться этими достижениями человеческой мысли? Некоторые ученые высказывают

мнение, что гонка вооружений с использованием искусственного интеллекта даже опаснее, чем ядерная гонка. Поскольку все понимают, что в ядерной войне не будет победителей, а искусственный интеллект позволит эту гонку выиграть, чтобы господствовать над миром.

Например, после разработки технологии глубокого обучения, соединившей свойства нейронной сети и вычислительные возможности компьютера, ученые сразу же выразили уверенность, что это ноу-хау приблизит человечество к созданию полноценного искусственного интеллекта, способного самообучаться и действовать стратегически. Как скоро будет решена эта задача, пока сказать трудно, но искусственный интеллект стремительно внедряется в разные сферы экономики.

Одним из спонсоров разработок в области искусственного интеллекта является генеральный директор компаний «Tesla» и «SpaceX» Илон Маск. В 2017 г. на Всемирном правительственном саммите в Дубае он спрогнозировал возможное слияние биологического интеллекта с цифровым, а использование широкополосного интерфейса, подключенного к мозгу, позволит решить проблему контроля. Иначе говоря, американский миллиардер не исключил вероятность создания киборгов, подобных тем, которых мы видели в голливудских фильмах. Причем искусственный интеллект может оказаться «умнее самого умного человека на земле», что приведет к возникновению проблемы смысла жизни для тех, кто не представляет себя вне своей работы.

А на ряде ресурсов помещена информация о компании «Neuralink», основанной Маском в 2016 году с целью разработки

так называемой технологии «нейронного кружева», позволяющей имплантировать в человеческий мозг крошечные электроды, которые однажды смогут считать мысли человека. Отмечено, что первыми продуктами компании могут быть современные имплантаты для лечения таких тяжелых заболеваний мозга, как эпилепсия или депрессия. Имплантаты «будут основаны на более простых электродах, уже используемых для лечения заболеваний мозга, в частности, болезни Паркинсона». В случае «подтверждения безопасности и эффективности разработанной технологии» проект может получить поддержку правительства с последующим переходом к разработке «косметических операций на головном мозге для улучшения его когнитивной функции».

Говоря иными словами, в идеале вся информация нашего мозга может быть скопирована на устройство, встраиваемое в головной мозг, а потом перенесена на компьютер. Благодаря этому наши знания (или даже мысли) могут сохраниться в мировой базе данных и после нашего физического ухода из жизни. Впрочем, как считает Илон Маск, люди уже в определенном смысле стали киборгами. Мы отправляем электронные письма, публикуем записи и фотографии в Интернете, оставляя после себя «цифровой призрак в информационном поле». Весь вопрос лишь в плотности и скорости взаимодействия между биологическим и цифровым разумом.

О направлениях таких исследований сообщил профессор Российской академии наук (РАН) Роман Мещеряков. По его словам, ученые уже работают над увеличением физических ресурсов человека, способностей его органов чувств и когнитивных

способностей. Но возможности человека ограничены, и «человеку все труднее поспевать за темпами развития и совершенствования техники». Более того, мозг уже подчас плохо соотносится, а с распространением искусственного интеллекта он «начинает деградировать». Поэтому все более актуальными становятся разработки «ходячей электронно-вычислительной машины, но с серым веществом человека». От обычных людей такого киборга будут отличать «расширенные возможности и связь мозга с компьютером, что сделает его обладателем колоссального количества информации». Если такое станет возможным, тогда мозг сможет «передавать компьютеру бесконечные запросы и поручения – все, что душа пожелает». Но останется ли у такого гуманоида душа (вспоминаем манкуртов Ч. Айтматова)?

Картины вырисовывающегося будущего невольно ассоциируются с образами австралийского писателя-фантаста Грега Игана из рассказа «Учась быть мною» (1990): «Микроскопические паучки ткали тонкую золотую паутину в моем мозге, так что учитель жемчужины мог слушать шепот моих мыслей. Сама жемчужина подслушивала мои чувства и читала химические сообщения, передаваемые потоком моей крови. Она видела, слышала, нюхала, пробовала и чувствовала мир так же, как и я, в то время как учитель контролировал ее мысли и сравнивал их с моими. Всякий раз, когда мысли жемчужины были неправильными, учитель очень быстро перестраивал жемчужину, переделывал ее, выскивая изменения, которые сделали бы ее мысли верными. Зачем? Чтобы, когда я уже больше не мог быть собой, жемчужина могла делать это вместо меня».

Звучит немного пугающе. Кому принадлежит такой мозг? Откуда в нем возникают такие мысли? Во имя чего и кого? И не случится ли так, что в ходе таких экспериментов человек просто растворится в новой реальности, перестанет быть человеком, пусть со всеми присущими ему недостатками, но человеком, способным чувствовать, любить, ошибаться и раскаиваться, прощать и просить прощение?

Такое «растворение» великолепно изобразил аргентинский писатель Хулио Кортасар в рассказе «Аксолотль» (1956). Каждый день герой произведения наблюдал за проживавшим в аквариуме аксолотлем⁴, пытаясь понять его стремление к перерождению, и научился буквально ощущать его «немое страдание». В какой-то момент герой вдруг ощутил себя внутри него: «Теперь я окончательно стал аксолотлем, и если думаю, как человек, то это лишь потому, что все аксолотли в своей личине из розового камня думают, как люди». Человек исчез. Растворился. И даже не в своем втором «Я», а в чужеродном существе.

Жизнь по таким правилам становится воплощением идеи, озвученной профессором-нацистом из фильма «Мертвый сезон» (1969): «Никто даже не поймет, что война уже началась. Просто люди один за другим будут превращаться в тихих животных, готовых покорно выполнять чужую волю». Эти люди «по-своему счастливы, поскольку они начисто лишены памяти» и «отрезаны от какой бы то ни было информации извне» (манкурты?). Такой «человек-робот ни о чем не думает, всегда доволен, и он размножается, производит себе подобных!»

⁴ Личинка некоторых видов земноводных. – прим. авт.

Возможно, кто-то из читателей воспримет сказанное как проявление безнадежности. Но это отнюдь не так. Есть твердое убеждение, что понимание нынешних процессов вызовет у многих мыслящих людей нежелание стать управляемыми подопытными кроликами и вернуться из виртуального мира грез в настоящую жизнь, полную простых человеческих радостей, переживаний, успехов и неудач. Психотерапевт Андрей Курпатов отметил, что основной проблемой современного человека становится «атрофия познавательных навыков» вследствие эскалации «примитивного контента» и перехода от «цивилизации текстов, системного мышления» в мир «зрительных образов, где нет ни аналитического мышления, ни системного». При постоянном потреблении такого контента «энергия в зону мозга, отвечающую за мышление, не поступает. Ваш мозг впадает в спячку. Поэтому не надо удивляться, что люди, которые не вылезают из твиттера и инстаграма, редко включают голову, мыслят стереотипно, шаблонно и не развиваются».

Получается, что мы сами превращаем себя в роботов-аксолотлей, причем без всякого широкополосного интерфейса. И делаем это добровольно и сознательно, не задумываясь над тем, как технологические изыски современности отражаются на нашем образе жизни и мышления.

Технологический прогресс несомненно открывает перед нами уникальнейшие возможности, и отказываться от них никто не станет. Но мы способны влиять на будущее этих технологий, чтобы они проектировались и использовались только в интересах человечества, без ущерба созданной Всевышним природе

человека. Как раз на это обращал наше внимание Чингиз Айтматов, подчеркивая, что лишь сумев «выстоять перед лицом разрушающих сил бесчеловечности и безнравственности, сохранив и возвысив дух гуманизма», человек «оправдает свое наименование мыслящего существа». Другого пути у него нет.

Иссык-Кульский форум 1986 года

Этот неправительственный форум интеллектуалов, инициированный лично Ч. Айтматовым, собрал авторитетных ученых и общественных деятелей, среди которых писатель и актер Питер Устинов (Великобритания), ученые-футурологи Олвин и Хейди Тоффлер (США), американские писатели Артур Миллер и Джеймс Болдуин, тогдашний генеральный секретарь ЮНЕСКО Федерико Майор. В его итоговом Заявлении участники полностью поддержали разработанные Ч. Айтматовым идеи. В документе подчеркнуто, что глобальные и беспрецедентно сложные кризисы угрожают «будущему человеческой расы», но нас ожидают еще более трудные проблемы, решение которых «будет не по силам отдельным странам и которые потребуют совершенно новых подходов». В этих подходах новыми красками должен раскрыться гений человека и его творческие силы, поскольку традиционные институты не успевают реагировать на стремительные перемены в мире и не готовы решать назревшие планетарные проблемы.

Поэтому XXI столетие видится «веком творчества», которое позволит обеспечить выживание и счастье для всех. Следовательно, каждый должен найти в себе «достаточно воображения,

мужества и проницательности», чтобы не только принять реалии будущего мира, но и активно участвовать в его формировании. Это потребует «нового нелинейного мышления, воображения, глубокого проникновения в суть проблем и новых предвосхищающих инициатив».

Будущее человечества «уже никогда не будет таким, каким оно бывало в прошлом», поэтому «совершить невозможное» смогут лишь те, кто способен увидеть скрытое, что потребует создания предпосылок для разработки и распространения способов мышления, основанных на «многоплановости и способности воспринимать все новое». Становящиеся реальностью новые идеи должны проникнуть во «все области нашей жизни, включая политику», повсеместно инициируя новое мышление, поскольку «будущее не должно зависеть только от решений, принимаемых политиками, и от конфронтаций между отдельными державами». Следовательно, в мире должен возобладать все тот же человеческий гений, который поспособствует значимым открытиям, благодаря чему осуществляются «надежды простых людей». А возглавить движение в достойное будущее должны творческие люди во всем мире.

Не изоляционизм, а межрелигиозный консенсус

Вполне очевидно, что творческие люди могут также реально содействовать внедрению в жизнь важнейших идей, обозначенных Ч. Айтматовым в повести «Тавро Кассандры». Речь идет о преодолении изоляционизма и достижении межрелигиозного консенсуса, важность которого была доказана в период

пандемии COVID-19, сделавшей беззащитной всех нас независимо от религии, цвета кожи и места жительства.

Как отметил архиепископ Пьербаттиста Пиццабалла, «коронавирус не знает границ между религиями, расами или политическими партиями. Мы едины в болезни, и это обстоятельство разрушило многие границы и предрассудки между разрушило многие границы и предрассудки между нами». А на одном из своих молебнов в разгар пандемии в 2020 году Папа Римский Франциск отметил, что на фоне заставшей всех нас врасплох пандемии мы вдруг заметили, что «находимся в одной лодке, одинаково хрупкие и растерянные». Буря «срывает маску с нашей уязвимости», потому что, как оказалось, в одиночку все мы пойдем ко дну. Во время другого обращения к пастве Папа Франциск произнес: «Когда есть эгоизм, наш взгляд устремляется не к другим людям, не к общине, но к самим себе, и это нас обезображивает, делает дурными, эгоистами, разрушает гармонию». Поэтому важно признать «за каждым человеком, независимо от расы, языка и положения» уникальное «человеческое достоинство», коим нас наделил Господь, «приглашая жить в общении с Ним, в общении с нашими братьями и сестрами, уважая все творение». Мы «призваны жить в общении и гармонии», благо «Бог даровал нам способность порождать и защищать жизнь именно в этом общении и гармонии, без которых невозможно порождать и защищать жизнь: без них она всегда будет разрушаться. <...> Мы социальны и нуждаемся в том, чтобы жить в социальной гармонии». Вера как раз «позволяет исцелиться от индивидуализма – как личного, так и коллективного».

Доцент религиоведения Темпльского университета (г. Филадельфия, США) Джон К. Рейнс выразил убеждение, что в рамках нашего отчасти общего, отчасти различного религиозного наследия «мы можем найти моральные основания», чтобы внести в этот мир чувства «общей гражданственности». Это не означает, что «нам следует стать одинаковыми», совсем не обязательно «исповедовать одну веру», но важно изучать религии друг друга и благодаря этому стремиться к взаимоуважению. Никто не говорит, «что мы больше не будем отличаться друг от друга», но «в отношении границ нашей маленькой и хрупкой планеты эти различия должны быть преодолены».

Профессор исламоведения этого же университета Исмаил Р. аль-Фаруки отметил, что, будучи «реалистичной религией, направленной на содействие человеческому благосостоянию, ислам не отрицает ни того, что люди рождены в своих племенах и/или нациях, ни того, что они социализируются в них посредством конкретных исторических обстоятельств». Сам факт рождения человека в определенном племени или нации свидетельствует, что «его аккультурация и социализация предопределены Создателем». При этом аль-Фаруки ссылается на аят Корана о разделении Аллахом людей на народы и племена для взаимознавания (взаимопознания), заключая, что «завет Бога – это открытое соглашение, в которое приглашается войти все человечество». Здесь нет ничего неожиданного или неестественного, поскольку, согласно Корану, «если бы Аллах пожелал, то Он сделал бы вас единой общиной». Да и «кельи, церкви, синагоги и мечети, в которых премного поминают имя Аллаха», Создатель ставит в один ряд.

В 2020 г. совместную молитву в Израиле возносили лидеры различных вероисповеданий (иудаизма, христианства, ислама и друзов): «Сотни тысяч погибших, миллионы больных. Молим Тебя, спаси нас, Господи. <...> Да исцелит Бог заболевших и да избавит мир от несчастья». Такое единение вполне естественно. Согласно Корану, «Мы даровали Ибрахиму (Аврааму) верное руководство, и Мы были осведомлены о нем». Далее Коран, упоминая о том, что Мусе (Моисею) было дано Писание «в качестве наглядного наставления для людей, верного руководства и милости, чтобы они могли помянуть назидание», говорит, что в Торе «содержится верное руководство-и свет». В таком же духе Коран оценивает дарованное Богом Исе (Иисусу) Евангелие (Инджил), являвшееся также «верным руководством и увещанием для богобоязненных». Можно привести и другие аяты Корана: «Мы уверовали в Аллаха, а также в то, что было ниспослано нам и что было ниспослано Аврааму, Измаилу, Исааку, Иакову и коленам (двенадцати сыновьям Йакуба), что было даровано Моисею и Иисусу и что было даровано пророкам их Господом. Мы не делаем различий между ними, и Ему одному мы покоряемся».

Неслучайно татарский богослов XX века Муса Бигиев отметил, что «если мы будем рассматривать все религии как звенья эволюции одной религии, тогда отпадет необходимость обвинять какой-либо народ в безбожии или враждебно относиться к нему из-за исповедуемой им религии». Говоря иными словами, во взаимопонимании и взаимоуважении представителей авраамических религий нет ничего неестественного. Согласно Корану, «Господь создал различие ваших языков и цветов», то есть ислам,

с одной стороны, не лишает принимающего религию национальной идентичности и самобытности, с другой – предписывает мирное сосуществование людей, принадлежащих к разным культурам и традициям, поскольку «Всевышний разделил человечество на народы и племена, чтобы вы узнавали друг друга».

Следовательно, ислам – «мультикультурная» религия, выступающая за диалог и дискуссии на любую тему: «Призывай на путь Господа мудростью и добрым увещанием и веди спор с ними наилучшим образом»; «Скажите: “Мы уверовали в то, что ниспослано нам, и то, что ниспослано вам. Наш Бог и ваш Бог – один, и мы покоряемся только Ему”»; «Скажи: “О люди Писания! Давайте придем к единому слову для нас и для вас, о том, что мы не будем поклоняться никому, кроме Аллаха, не будем приобщать к Нему никаких сотоварищей и не будем считать друг друга господами наряду с Аллахом”». При этом ислам указывает на отсутствие почвы как для физических конфликтов, так и для конкуренции за право считаться более культурным или цивилизованным.

Здесь мы вновь дадим слово Чингизу Айтматову, для которого «многое в мире имеет общую сущность, общую основу <...> Безусловно, у меня есть своя страна, своя родина, свой народ, свой язык, что никем не отменяется и неотменяемо, но приобретать новые духовные гуманистические ценности – это только прибыль, только польза и для отдельной личности, и для культуры целого народа». Так что выбор у нас есть: или прислушаться к Мастеру, или медленно, но верно, продолжать погружаться в пучину проблем.

«Золотое правило нравственности»

Призывая возлюбить «ближнего твоего, как самого себя», пророк Иисус (Иса) назидал: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки». Это изречение перекликается с «золотым правилом нравственности» – относитесь к людям так же, как вы хотели бы, чтобы относились к вам, – которое провозглашается основными религиями. Иудаизмом: «Не делай ближнему своему того, что не желаешь, чтобы делали тебе»; буддизмом: «Как он поучает другого, так пусть поступает и сам»; индуизмом: «Не делая никому ничего плохого, безмятежно существует чистый»; «Поступки других, которых человек для себя не желает», пусть «не делает и другим людям», для них «надо позаботиться» о том, «чего для себя желают».

В исламе это правило проистекает от любви Создателя к Его творениям. В сборнике «Сунан» Ибн Маджа есть хадисы, в которых переданы слова пророка Мухаммада: «Ни один из вас не будет считаться верующим, пока не полюбит для брата [согласно другой версии – для соседа] исполнение того, что приятно ему самому»; «Я клянусь Тем, в руке Которого моя душа, – вы не войдете в Сад, пока не уверуете, а вы не уверуете, пока не полюбите друг друга». Эти изречения пророка ислама являются для мусульман одним из важнейших источников знания о любви Бога к человеку. Следовательно, «золотое правило нравственности» рассматривается в исламе как первооснова формирования межличностных отношений, исходный шаг к реальному взаимопониманию между конфессиями, культурами, цивилизациями.

Сущность данного правила блестяще раскрыл Лев Толстой. Вкладывая в понятие «любить людей» такое к ним отношение, какого желаешь для себя, выдающийся гуманист отрицал возможность насилия. По его словам, позволить верующему действовать наоборот – все равно что поместить ключ в замочную скважину «не до того места, где он поворачивается» и утверждать, что он используется по назначению. Поэтому, говорил Л. Толстой, покуда не признана недопустимость насильственных действий в отношении других, учение веры будет тщетным. А в романе Эриха Марии Ремарка «Триумфальная арка» звучат такие писательские мысли: «Что может дать один человек другому, кроме капли тепла? И что может быть больше этого?»

Ч. Айтматов проницательно заметил, что «человечество не пришло пока к планетарному мышлению, поскольку каждый еще не думает о другом как о себе самом, не желая считаться с тем, что и он так же страшится смерти, страдает, переживает и так же любит жизнь». Но будем надеяться, что нынешний беспокойный мир заставит жителей планеты Земля пересмотреть взгляды на человеческие отношения.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ЖИЗНИ? НИТЬ СПАЯННОСТИ С ВЫДАЮЩИМИСЯ ЛИЧНОСТЯМИ

За полгода до ухода из жизни Чингиза Айтматова достоянием мировой общественности стал его новый роман «Когда падают горы (Вечная невеста)». По мнению автора, великий писатель подводит в нем итоги своих размышлений, длившихся всю его творческую жизнь.

Гениальные личности очень часто не просто предчувствуют значительные изменения в личной и общественной жизни, а отображают их в собственных произведениях. Они поднимают вечные и животрепещущие вопросы и призывают читателей отбросить все сомнения и трезво поразмышлять над их решением. Все это прекрасно чувствуется в романе «Когда падают горы...», что в очередной раз доказывает гениальность Чингиза Айтматова. И здесь же мы видим связь времен, проявляющуюся через нить спаянности с другими выдающимися Мастерами.

Рассматривая в своей книге «Последние произведения Дмитрия Шостаковича: осмысление жизненного пути» некоторые аспекты жизнедеятельности блестящего композитора, пианиста, педагога Дмитрия Шостаковича и исследуя ряд его музыкальных произведений середины 1970-х годов, автор пришел к выводу, что в них музыкант подвел итог своему жизненному пути. И важно не то, как оценивает Д. Шостакович прожитую им жизнь, а его попытка осмыслить свой жизненный путь, причем не только творческий. Поэтому в последних сочинениях Д. Шостаковича

(вокальные произведения на стихи Марины Цветаевой, сонеты Микеланджело и поэтические строчки одного из персонажей романа Ф. Достоевского «Бесы», Пятнадцатый (струнный) квартет и Соната для альта и фортепиано) чувствуется, как композитор заново проживает свою жизнь, делится размышлениями со слушателями и раскрывает им свою душу.

То же самое можно сказать и о выдающемся джазовом исполнителе и музыкальном новаторе Майлсе Дэвисе, чье творчество также затрагивал автор. Рассматривая его музыкальные шедевры, автор отмечал, что М. Дэвис в редчайших случаях выступал с одними и теми же концертами, всегда стремясь двигаться к новым творческим вершинам и «оставляя» предыдущие произведения на суд истории. Но в 1991 г., на традиционном джаз-фестивале в г. Монтрё (Швейцария) он резко нарушил заложенную им же самим традицию, заговорив со слушателями на языке своих выдающихся творений 1950-х гг. и даже 1949 г.

Анализ творчества М. Дэвиса позволяет утверждать, что это был знаковый разговор Мастера с аудиторией. Он как бы заново окупился в свою жизнь, пережив ее важнейшие вехи, и не исключено, что на такой разговор его подтолкнуло внутреннее ощущение приближающегося для него земного конца. (Через два месяца М. Дэвис скончался, а зал, где походил этот джаз-фестиваль, носит его имя.)

Кто-то сочтет, что приведенные выше эпизоды из жизни Д. Шостаковича и М. Дэвиса никак связаны с последней книгой Ч. Айтматова, но, по мнению автора, подход великого писателя к

написанию романа «Когда падают горы...» отчетливо свидетельствует о попытке обобщить все его ранние идеи, раскрыв перед читателем душу без утайки. В романе затронуты все те вечные вопросы, на которые Ч. Айтматов пытался ответить во всех предшествующих произведениях, выступлениях и интервью.

Новизна романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» и его параллель с романом «Плаха»

Такую параллель хочется провести сразу же после прочтения первых строк романа «Когда падают горы...». Прежде всего, посмотрим на главных героев обоих произведений. Они молоды, однако возраст еще не все. Если герои «Плахи» не только молодые, но и уверенные и готовые к действию, то ни в Арсене Саманчине, ни в Жаабарсе нет ни живости, ни внутреннего подъема, присущих Авдию или красавице-Акбаре. И если причину медлительности и неуверенности Жаабарса можно отнести на возраст, то с Арсеном этого не получится – он в расцвете сил. Однако ход и стиль его рассуждений совсем не такой, как у Авдия. Если Авдий стремится вперед к новой жизни, то Арсен, уже попавший в «новую» жизнь, но не способный под нее подстроиться, не видит в ней для себя перспектив.

Вопрос не в том, плохо это или хорошо. Для нас важнее понять состояние Арсена, который задыхается в круговороте новой жизни, меняющей все традиционные человеческие устои. Хотя это и не совсем так. Вечные идеалы и нравственные ценности никто не отменял и не перечеркивал, поскольку это невозможно

по сути – это все равно что лишить человека чести и совести. Другое дело, что новая жизнь пытается вложить в данные понятия смысл, отличный от общепринятого. Ввиду этого Арсен оказывается на распутье – даже не между прошлым и будущим, а между прошлым и настоящим. В нем просыпается внутренний протест. Он даже готов принимать решения, ранее ему не свойственные и даже в чем-то запретные, но в нем зреет внутреннее недовольство, перерастающее в неуверенность и апатию.

Извечная проблема выбора

Читатель вправе задать вопрос: если автор ранее утверждал, что в своих героях Ч. Айтматов вкладывал частицу собственного «Я», следовательно, сам писатель тоже утратил уверенность в завтрашнем дне? Но в том-то и дело, что если бы Ч. Айтматов не был способен отвечать на вызовы новой жизни, он не стал бы тем, кем его знает весь мир. Именно его внутренняя сила и убежденность в правильности собственных идей, которыми он щедро делился, позволили ему в романе «Когда падают горы...» осмыслить пути, способные укрепить дух тех, кто оказался на распутье. Поэтому Ч. Айтматов ни на йоту не отходит от своих идеалов.

Мы чувствуем внутреннюю слабость Арсена, и писатель этого не скрывает, но вместе с тем видим, как постепенно в нем просыпаются новые силы, как он буквально меняется на глазах, приходя к тому или иному решению, как начинает думать и размышлять. И тогда жизнь обретает прежнюю красу. Пусть

меняется эпоха, пусть среди «сильных мира сего» оказываются те, кто не готов думать и заботиться о людях. Но разве так было не всегда? Люди постоянно стремились к достойной жизни и в них всегда теплилась надежда, но обретали ее лишь те, кто неустанно шел вперед.

«Существует одна непреложная данность, одинаковая для всех и всегда, – сказано в романе, – никто не волен знать наперед, что есть судьба, что написано ему на роду, – только жизнь сама покажет, что кому суждено, а иначе зачем судьбе быть судьбою». Но если человек не знает, что написано у него на роду, тогда он сам вправе действовать для достижения поставленной цели. И это его собственный выбор, который за него никто не сделает, как бы он того ни желал.

Проблема выбора удачно обыграна в популярном в свое время фильме «Адвокат дьявола», где один из героев, олицетворяющий образ Сатаны, признает: «Я не вершу людские судьбы. Мне этого не дано. Я только расставляю декорации, а за ниточки дергаешь ты сам». А у британского писателя Терри Пратчетта мы находим ту же мысль: «У каждого есть какие-то ниточки, за которые можно потянуть... Найди ниточку, а дальше все пойдет как по маслу». В книгах Ч. Айтматова все точно так же: выбор – за героями. Его делают и Арсен, и Айдана, и Элес, и Таштанафган, а писатель их не поддерживает и не осуждает, а лишь излагает происходящее. Да и осуждать их не за что: никто из них не совершает ничего преступного, а лишь что-то предпринимает на жизненном пути, находя для этого нужные «ниточки», причем каждый свои. А что касается новой эпохи, то Ч. Айтматов рисует

ее объективную картину, со всеми минусами и плюсами, используя для убедительности притчи, содержащие фольклор во всей его красе.

Вновь о счастье и любви

Ч. Айтматов продолжает в романе тему счастья и любви. Со счастьем у его героев не ладится: «Вот бы всегда так, в ладу и гармонии, жить на свете. Но, сказывают, откуда-то из облаков всегда взирает на нас некий хмурый глаз. Ну и пусть себе». Понятно, что с «хмурым глазом» можно мириться, но полного счастья уже не будет.

Почему так происходит? Это вечный вопрос для Ч. Айтматова. Но если он не пессимист, тогда напоминание о «хмуром глазе» можно считать его призывом бороться за счастье, какой бы смысл мы в него ни вкладывали. Здесь вспоминается известная клятва из романа В. Каверина «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Но все ли готовы бороться?..

А рядом – всегда юная у Ч. Айтматова Любовь. Нередко – любовь без остатка. Та самая, что лежит в основе вкрапленной в роман притчи (легенды) о Вечной невесте. Очень глубокой по смыслу, отражающей развитие взаимных чувств Арсена и Элеса. Перед нами – звуки очередного айтматовского гимна (или дани) любви.

Писатель в очередной раз проводит мысль о вечном и бессмертном характере любви: «Любовь и есть дар Вселенной, энергия от потенциала вечности <...> Любовь – это двуединый путь влюбленных к вечности, и намеренное разрушение чувственного

поля любви есть посягательство на вечность. Ведь это любовь есть устремленность к бессмертию, и каждому дано ступить той тропой, предначертанной Богом». Те, кто знаком с другими произведениями Ч. Айтматова, увидят, что в этом романе писатель остается верен самому себе: любовь – от Бога, она бесконечна и вечна, она внутри и вокруг нас, а умение любить и быть любимым – одно из богатейших благ, дарованных нам Всевышним, хотя такому умению еще нужно поучиться.

Завещание Ч. Айтматова потомкам

Тема нравственного выбора проходит через все книги Ч. Айтматова, поскольку от него всегда зависела человеческая судьба. Сменяются эпохи, но человек остается все тем же любимым созданием Бога – он точно так же радуется и печалится, плачет и смеется, грустит и веселится, так же ищет путь к счастью, так же любит и хочет быть любимым и так же делает ошибки, кается и пытается жить дальше, действуя ради достижения своих целей. Все точно так же, как в произведениях Ч. Айтматова, утверждавших, что человек – хозяин своей судьбы. Но, устремляясь навстречу судьбе, он никогда не должен забывать о тех Богоданных устоях, которые делают его существом мыслящим и ответственным. И не важно, какая на дворе эпоха и сколь далеко зашел технологический прогресс, – лишь понимание необходимости прислушиваться к наставлениям Бога откроет человеку путь в то счастливое будущее, которого он желает для себя и своих потомков.

Недаром рефрен заключительной главы последнего произ-

ведения Ч. Айтматова – это выбор между «убить» и «не убить», который знаменует итог богатейшего творческого пути великого писателя и является его завещанием потомкам. Ч. Ахматов пишет: «Душевные побуждения нередко становятся решающим фактором даже в исторических событиях. Душа есть источник, из которого исходят в своем первоначатии добро и зло. <...> Любая война – дело рук человеческих и любая война – трагедия для каждого, кто в ней познает эту простую первоистину». Ч. Айтматов бьет в набат, призывая не допустить войны, которая в нынешних условиях может снести с лица планеты все живое. В этом очередное проявление его гениальности. Предвидя возможность крупномасштабных войн уже в первом десятилетии XXI века, писатель предупреждал все здравомыслящее мировое сообщество и призывал его остановиться в своем безудержном движении неизвестно куда. Хотя людям здравомыслящим и проницательным известно, что это движение напрямик в бездну. И мы в ответе за то, чтобы остановить его. Поэтому Ч. Айтматов снова и снова говорит о нравственности.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Чингиз Айтматов и современен, и своевременен, и вечен – чтение его произведений наводит на раздумья о судьбах нашей планеты, особенно на фоне событий последних лет, лишаящих нас надежды на наступление скорого мира. Определив причиной войны «дефицит человечности», писатель рассуждает о его истоках и путях преодоления: «Как оградить человека, как сохранить то, что дает природа? Как не растерять связь с ней, и тем, что заложено в нас нашими предками, как остаться человеком, защитить, не дать разрушить, и передать потомкам удивительный мир безумно красивой нашей планеты. Надо чтобы человек осознал, он – часть природы, живет один раз и вот земля – это лоно. И он должен не разрушать ее, а наоборот – украшать. Относиться к природе, как к равному, разумно и вдохновенно». А потому «человечность – антитеза жестокости».

Тема человечности и сохранения жизни на земле была лейтмотивом творческой деятельности Ч. Айтматова – повестей, романов, публицистики. В этом он видел важность литературы, подчеркивая, что «образное слово художника, ратующее за сохранение жизни на земле, не может быть оставлено на потом – оно требует своего немедленного действия». Ведь «мы пишем для людей», чтобы «средствами литературы культивировать те качества, те черты личности, которые в наибольшей степени соответствуют совокупному опыту всех времен – основным человеческим идеалам». Да, «могут изменяться функции литературы, но ее первооснова – отражение человеческой сущности –

остается неизменной». Поэтому важнейшую роль обретает «способность литературы сделать узнаваемыми чувствования другого человека, научить каждого из нас думать о другом как о самом себе, заставить увидеть, что он, другой человек, так же любит жизнь, страшится смерти, страдает, переживает, отстаивает свое право на место под солнцем».

Таковым был принцип всей жизни и творчества Ч. Айтматова, выраженный им в словах «пусть правда всегда будет правдой». А по-другому и быть не могло, поскольку основой «высокого искусства» писатель считал реализм, который он смог довести до совершенства. Ч. Айтматов писал, что «если мы будем тысячами нитей – не только по форме, но и по существу – связаны с реализмом, то тем самым будем связаны и с национальной почвой», поскольку был уверен, что «духовная необходимость реализма» является «закономерностью духовной жизни» каждого народа, как и его искусства. По убеждению философа, только реализм может обеспечить подлинное своеобразие, которое «свойственно самому жизненному материалу, то есть людям, их жизни, быту, отношениям». Оставалось лишь «суметь проникнуть в глубину», что ему мастерски удавалось.

Кыргызская художница Айкамыш Ибраимова уверена, что Ч. Айтматов был безмерно «влюблен в Кыргызстан и кыргызский народ», и именно это позволило ему стать тем Айтматовым, каким его знает весь мир. Действительно, любовь Ч. Айтматова к своим корням и трепетное отношение к соблюдению культурно-духовных традиций народа не по обязанности, а по зову души сделали его глубоко нравственным человеком, впитавшим в себя

историю, быт и нормы, присущие многим поколениям кыргызов.

Ч. Айтматов уникален еще и тем, что он стал «больше, чем кыргыз». Элизат Кулиева, супруга знаменитого балкарского поэта Кайсына Кулиева, который был близким другом Ч. Айтматова, как-то заметила, что «счастлив народ, у которого есть такой сын». Но ведь Ч. Айтматова считают своим не только в странах Центральной Азии или в тюркском мире, но и во многих других уголках нашей планеты – он писатель глобального масштаба.

Есть одна интересная деталь из истории взаимоотношений между Ч. Айтматовым и К. Кулиевым. Как и другие северокавказские народы, в 1944 г. балкарский народ был депортирован. Но Кайсын Кулиев, ставший к тому времени известным, получил разрешение от самого Сталина выбрать любое место для проживания, кроме Москвы и Ленинграда. Гордый Кайсын, истинный сын своего народа, не принял эту подачку от «отца всех народов» и оказался в столице тогдашней Киргизии городе Фрунзе. Там он занял должность главы русской секции Союза писателей Киргизии, одновременно став стал членом редколлегии литературного журнала «Киргизстан» (хотя и был лишен права издавать собственные произведения). В один из дней к нему в кабинет зашел молодой Чингиз Айтматов, попросив ознакомиться с рассказом «Почтальон Дзуйдо». И произведение начинающего писателя было напечатано. А в 1987 г. Ч. Айтматов написал объемную статью на смерть Кайсына Кулиева, в которой есть такие слова: «Поэту мало быть только человеком. Он должен стать морем, скалой, облаком, но на мгновение, которого достаточно, чтобы вместить в себя вечность». Это определение вполне можно применить и

к самому Ч. Айтматову, лишь добавив, что он стал бескрайним океаном, вместившим в себя правду и человечность.

В формировании личности Ч. Айтматова несомненную роль сыграл его удивительный характер. Кыргызский режиссер Болот Шамшиев, снявший по произведениям писателя четыре фильма, писал: «Чингиз Торекулович был для меня и старший брат, и учитель, и товарищ, потому что он никогда не задирает нос, несмотря на свою гениальность и величину. Я никогда не мог бы сказать, что он дистанцируется или показывает свое превосходство. Это был очень скромный, вежливый и до удивления стеснительный человек». Благодаря воспитанию, интеллекту, любви к людям, помноженным на величайший писательский талант, Ч. Айтматов смог проникнуть в самые потаенные глубины души своих читателей, заставив их искренне переживать за судьбу его героев и даже примерять на себя их сложный жизненный путь, а вслед за тем раздумывать о себе и о вечном. Поэтому не удивительно, что обязанностью «сегодняшних творческих, духовных интеллектуалов» Ч. Айтматов считал сохранение духовных истоков в природе человека, будучи убежден, что ценность человеческой жизни можно назвать самым большим вопросом философии: каждый должен решить сам, в чем именно она заключена.

Ч. Айтматов писал, что «ценность жизни заключена в вере. У каждого человека есть своя тайная, сокровенная вера во что-то. Эта вера дает человеку не только хорошее, чистоту, но еще порождает мысли, думы, вселяющие надежду, что когда-нибудь он придет в этот мир. Если у человека нет веры, то для него и день, и ночь, и месяц, и сама жизнь кажутся лишь какой-то подделкой

безрадостной жизни. Настоящая красота жизни – это вера, и счастье ее – это вера. Вера – это не слепая рабская покорная вера, это вера в ценнос-ти этого мира, признание великих ценностей. Одной из этих ценностей является жизнь. Жизнь ценна сама по себе. Если мы считаем жизнь как высший подарок Создателя, то мы должны знать его ценность, ценить этот подарок».

А в романе «Плаха» есть такие строки: «Как велико стремление человека быть услышанным наверху! Вот ведь что неистребимо вложено в нас от сотворения – жить после жизни! Как важно осознавать человеку, как необходимо быть уверенным ему в том, что такое продление себя возможно в принципе».

Кыргызский ученый-литературовед, вице-президент Национальной академии наук Кыргызской Республики, исследователь кыргызского фольклора, эпоса «Манас» и творчества Чингиза Айтматова академик Абдылдажан Акматалиев как-то поделился сведениями о том, что во время пребывания Ч. Айтматова в Австрии в 1990 г. представитель Нобелевского комитета «специально разыскал» писателя, чтобы сообщить о присуждении Нобелевской премии мира, и «горячо поздравил» его. Однако «до официального объявления о награде Нобелевский комитет впервые за свою историю был вынужден спешно поменять свое первоначальное решение, так как Нобелевской премией мира было решено наградить Михаила Горбачева». Таким образом, М. Горбачев, в январе 1990 г. инициировавший беспрецедентный по жестокости ввод советских войск в советский же (тогда еще) Баку в целях подавления национально-освободительного движения в Азербайджане, оказался нобелевским лауреатом. К сожалению,

Ч. Айтматову не удалось войти в число лауреатов Нобелевской премии и в 2008 г., когда он был номинирован «рядом авторитетных интеллектуалов тюркских стран, однако рассмотрению его кандидатуры воспрепятствовала безвременная кончина писателя». Но нуждался ли в каких-либо подобных наградах великий писатель, лучшей премией для которого стало всемирное признание его неповторимого творчества?

Герой романа «Когда падают горы...» Арсен погибает, но книга этим не заканчивается – в ее последнюю главу включен недавно написанный им рассказ, который дал герою вторую земную жизнь. Так и Чингиз Айтматов – великого писателя и философа сегодня с нами нет, но все его мысли сохранены для нас в прекрасных произведениях, которые вечно живые, поскольку откровенно и искренне повествуют о вечных проблемах.

Мы завершим наше небольшое исследование творчества великого писателя и философа Чингиза Айтматова стихами поэта Сардора Ибрагимова:

*Пусть дольше века длится память
Об этом светлом человеке,
И пусть потомок не устанет
Талант его хвалить вовеки.
Айтматов сам описывал простое,
И в этом было главное отличие,
В его рассказах каждый отыскал родное,
И в этом есть успех его величия.
И есть, наверно, в мире Джамия,
Что бродит по земным раздольям,*

*И с матерями говорит Земля
Об их печальной женской доле.
А где-то дни проходят напролет,
И, как в рассказе старой книжки,
Все ждет свой белый пароход
Веселый маленький мальчишка.
Быть может, девушка гуляет,
Надев на голову платок,
А парень нежно называет:
«В косынке красной тополек».
Так воздадим же честь ему и славу,
Такие люди богом нам даны,
И крикнем мы: «Маэстро, браво!»
Он много сделал для своей страны.
Увы, нет с нами больше Человека,
Скорбь на душе, печаль околдовала...
Пусть жизнь великих длится дольше века,
Ведь век по сути – это очень мало.*

Верстка книги, дизайнер
Союзбек кызы Нурзада

Типография: «Алтын Тамга»
Зак. № 35 объем 8,6 уч. изд. л.,
Тираж 1000 экз.

г. Бишкек, ул. Орозбекова 44 а
тел.: 62-13-10
e-mail: altyntamga@mail.ru

2
850019

ТЕЙМУР АТАЕВ –

азербайджанский историк, публицист, занимающийся исследованиями проблем геополитики, истории, религии, литературы, искусства.

Избранные труды:

«Светско-религиозный тандем в геополитике, или глобализационное миссионерство: история и современность» (2009), «Красота и гармония в исламе» (2012), «Из истории геополитической борьбы за территории России, Украины, Беларуси и Балтии» (2017), «Кавказские коллизии России» (2017), «Многогранность Габдуллы Тукая, или Непрерванный полет» (2019), «Феномен Амира Тимура. Взгляд из дня сегодняшнего» (2020), «Величие Абая, или попытка создания портрета мыслителя в XXI веке» (2020), «Последние произведения Дмитрия Шостаковича: осмысление жизненного пути» (2022) и др.

Настоящая книга посвящена исследованию творческого наследия великого кыргызского писателя, мыслителя и философа Чингиза Айтматова, воплощенного в его художественных произведениях и публицистических выступлениях. Раскрывая черты, присущие творчеству Ч. Айтматова, автор не только анализирует его бессмертные литературные шедевры, но и проводит параллели с произведениями других известных писателей, текстами священных писаний мировых религий, раскрывает духовные факторы, сформировавшие Ч. Айтматова как величайшего писателя современности. Такой подход позволил Т. Атаеву показать, что творчество Ч. Айтматова неподвластно времени и пространству.